

Шепот Темного Прошлого

Автор:

Оксана Панкеева

Шепот Темного Прошлого

Оксана Петровна Панкеева

Хроники странного королевства #5

Неприятности начинаются именно тогда, когда кажется, что все уже благополучно закончилось. В такой момент опасно расслабляться, напротив, стоит задуматься над вопросами, которые раньше казались не очень важными. Например: кто же все-таки подслушал беседу короля с министром? Что случилось с детонатором, который потерял королевский шут? Как следует понимать пророческие видения мистралийского принца? Кто такие Небесные Всадники и что им нужно? И вообще, что из всего этого выйдет?

Оксана Панкеева

Шепот Темного Прошлого

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Почтенный мэтр Истран, придворный маг королевского дома Ортана, почти никогда не гадал на картах. Вернее сказать, он вообще крайне редко прибегал к подобному способу прояснения ситуации – гадания, предсказания и ясновидение не относились к числу умений, которыми старый волшебник мог бы блеснуть перед коллегами. Но иногда на него все-таки находило настроение достать из коробки потрепанный комплект, чудом сохранившийся еще со времен ученичества, и раскинуть сей антиквариат на рабочем столе. Такое желание посещало почтенного мэтра в те редкие времена, когда он чувствовал – что-то идет не так, но не мог облечь свои смутные сомнения в более понятную форму. Как раз в последние дни придворного мага преследовало неясное ощущение если не опасности, то, по крайней мере, крупных неприятностей.

В этот вечер двадцать восьмого дня Сиреновой луны мэтр Истран должен был сопровождать своего короля на официальную встречу с драконом-изгнанником, которому его величество пообещал убежище и защиту. Коллега Силантий, драконовед и переводчик, обещал переместить нового подданного телепортом, но что-то запаздывал – то ли возникли трудности с размерами объекта, то ли просто перепутал время, с ним это часто случалось. Его величество недовольно высказался о неорганизованности некоторых господ и тут же нашел себе какое-то занятие. А придворный маг, намереваясь последовать его примеру, вспомнил о своих сомнениях и решил попробовать хоть карты раскинуть, раз уж другие методы не помогают.

Итак, начнем с будущего настоящего... Одно существо и одно заклинание вытаскиваются наугад и выкладываются в центр. Мастер-Вор. Символизирует обычно собрата по классу, достигшего высокого положения. Простая карта, без особых дополнительных нюансов. И толкуется просто. Сегодня на встрече с коллегами обязательно всплывает в разговоре его величество Шеллар III. Совершенно верно, кто же еще. Никакое безобразие без него не обходится.

Этот король был самым трудным воспитанником придворного мага за последние сто лет. Ребенок, от рождения лишенный человеческих чувств, но наделенный выдающимся умом и неукротимой жадой познания, доставлял больше хлопот, чем все его кузены, вместе взятые. И с годами не стало легче. Хотя принц, а

впоследствии король научился почти всему, чего ему недодала природа, чувства свои он все равно предпочитал скрывать. К примеру, признание в любви из него невозможно было выдавить ни при каких обстоятельствах. Почему-то Шеллар упорно считал, что с его внешностью не стоит рассчитывать на взаимность, а безответная любовь принижает его достоинство. Просто удивительно, как у него все-таки хватило духу сделать предложение баронессе Арманди! Наверное, только потому, что поклялся жениться. Иначе до сих пор бы ходил и молча вздыхал. А ведь любит его величество одноглазую воительницу искренне, всерьез. Иначе не бросился бы заслонять собой от брошенного на свадьбе отравленного дротика. Скорей всего, именно этот вопрос и беспокоит коллег. Можно даже проверить, бросив вторую карту – заклинание. Разумеется, оно и есть. Дыхание Жизни. Возвращает отыгранную карту из отбоя в колоду. Совершенно верно, желают знать коллеги, как вышло, что король жив, хотя по всем законам природы отравленный дротик должен был свести его в могилу. Придется заранее подумать над приемлемым объяснением. Не рассказывать же коллегам правду... Ну-ка, слева посередине выкладывается ближайшее прошлое, выпадет ли шут? Точно, не врут старые карты. Вот и он, Двумикий Шут, карта-перевертыш. Параметры атаки и защиты меняются местами в зависимости от того, какой стороной повернуть. Реальный придворный шут тоже имеет второе лицо. И даже не одно.

О том, что господин Жак – переселенец, было известно очень ограниченному кругу лиц. Переселенцы считались здесь обычным явлением – время от времени они появлялись ниоткуда рядом с телом умершего мага. Или же возникали в руках неопытного ученика вместо какой-нибудь полезной вещи, до которой тот пытался магическим путем дотянуться и промахнулся. Эти люди, если они оказывались живыми, оставались в новом для себя мире, так как назад вернуться уже не могли. Ведь все они, прежде чем переместиться, в своем мире умерли. Обычно переселенцы как-то приживались, находили свое место в жизни и никогда не скрывали своего происхождения. Но у Жака была причина таиться. До своего появления в Ортане он успел побывать в Мистралии, и его до сих пор разыскивала мистралийская разведка. Специалиста-компьютерщика пытались насильно подключить к работе в подпольном исследовательском центре, где мистралийское правительство разрабатывало военную технику по образцу соседних технологических миров. Но этот непутевый парень, хотя и трус, выкрутиться сумеет из любого положения. Сбежал хитрец Жак из Капель Милагро, несмотря на супернадежную систему охраны, да еще попутно перепортил кучу уникальной аппаратуры, в этом мире непроектируемой, и утащил с собой государственного преступника. Еще бы его после этого не искали...

Сначала придворный маг не очень понимал, зачем король приютил и пригрел этого оболтуса, укрыл от преследователей, приблизил ко двору и почему вообще с ним подружился. Потом понял, заметив, как долго и с каким интересом беседуют эти люди, разные настолько, что кажутся полной противоположностью друг другу. Король был любопытен и желал знать все, что мог рассказать переселенец. А еще Жак случайно обмолвился, что его соотечественники проводят здесь какие-то секретные исследования, и его величество вспылал желанием познакомиться с этими господами. Господа, в свою очередь, знакомиться с его величеством категорически не желали. Жак их в этом горячо поддерживал и даже не пытался искать какие-либо контакты со своим родным миром, чтобы работники службы «Дельта» случайно не попались на глаза Шеллару III. Но однажды обстоятельства все-таки вынудили осторожного шута рискнуть и обратиться к ним за помощью. Если бы не чудодейственное зелье, исцеляющее от любых ядов, не жить бы бедному королю. И правильно сделал Жак, что рискнул. Но это несомненно полезное действие может иметь непредсказуемые последствия. С одной стороны, хорошо, что карта легла слева, – может, все ограничится прошлым и не скажется на будущем. С другой стороны... что скажет вторая карта?

На хитрую физиономию Двуликого Шута легла жуткого вида карта с изображением оскаленного черепа. Страх, лишает способности атаковать на два хода. Ну это неудивительно, бедняга Жак всегда чего-нибудь боялся. Жаль только, что ничего конкретного эта карта не говорит. Что ж, будем надеяться, что все это действительно осталось в прошлом.

Прошрое продолженное, слева внизу. То, что уже произошло, но еще будет иметь последствия. И к чему бы тут Эльф-Лютнист? Ведь эльфы давно не живут в этом мире. Единственный чистокровный эльф, которого мэтр имел честь видеть за последние триста лет, – разгильдяй Хоулиан, который забрел из своего мира повидать сына, да так и застрял здесь по причине внезапной роковой любви. Разумеется, безответной, ибо предметом его воздыханий стал первый паладин короны, принц-бастард Элмар, бесконечно далекий от эльфийских понятий о любви. Бедняге можно только посочувствовать – ведь влюбленный эльф сидит каждый вечер на ограде и с томными вздохами пялится в окна, а бедному принцу хоть под диван прячься.

Нет, вряд ли Эльф-Лютнист здесь означает именно этого непутевого эльфа. Хоулиан, кажется, вообще с музыкой не дружит, у него способности то ли к скульптуре, то ли еще к чему-то изобразительному. И с принцем Мафеем та же

история, мальчишка маг и художник, не должен бы он выражаться этой картой. А вот второй ученик мэтра Истрана, тоже полуэльф и тоже принц, как раз склонен к поэзии и музыке...

Ох, дорогие собратья-маги... если вам когда-либо захочется сделать коллеге капитальную пакость на ближайшие полсотни лет, подкиньте ему ученика-полуэльфа. Может, коллега вас потом за это проклянет, но уж хлопот вы ему добавите столько, что вряд ли он выберет время для подобающего проклятия.

Хорошо, если на момент начала обучения юному потомку эльфа всего пять лет и кроме обучения магии его можно просто воспитывать. Конечно, даже в этом случае он начнет отбиваться от рук годам к шестнадцати, как обычные человеческие подростки, но все же что-то еще можно успеть вложить в эту ветреную головку. А если подобное чудо приходит к вам в тридцать шесть, с полным набором пороков, свойственных взрослому мужчине, и детским ко всему этому отношением? И отказать-то ему нельзя, ведь откажешь – станет заниматься самостоятельно, а к чему могут привести подобные занятия, любой мало-мальски опытный маг прекрасно понимает. Тот случай, когда энтузиаст-самоучка потерялся между мирами, можно считать счастливым. Ведь ничего с ним не случилось, и дорогу домой сумел найти. А могло быть и похуже. Что ж, почтенный мэтр, вот и возитесь с двумя оболтусами из-за своего добросердечия. Если боги над вами сжалятся, может быть, от второго ученика они вас избавят. У этого мальчика другая судьба, другое предназначение. Последний принц королевского дома Мистралии должен рано или поздно занять свое место на троне, и на уроки магии у него просто не останется времени.

Так кто же все-таки этот непонятный Эльф-Лютнист? Хоулиан, Мафей или улыбчивый мистралиец Орландо? Что скажет вторая карта? Ага... Волшебное зрение, позволяет увидеть карты противника. Значит, все же Орландо. Это у него есть дар предвидения, и как раз недавно он видел что-то важное, но что именно – не очень хорошо помнит. Значит, его видения имели смысл, и надо как-то уточнить, что они могут означать. А то некий абстрактный «конец света» не внушает доверия, да и вероятность разгрома повстанческой армии, которой он руководит, тоже можно считать спорной. Обстоятельства с тех пор успели измениться, и, будем надеяться, к лучшему...

Прошрое неоконченное, слева вверху. Мастер-Лучник. Тут уж сомнений быть не может. Товарищ Кантор, воин-стрелок. Он, конечно, не лучник, но толкование всегда условно, тем более учитывая, что ни арбалетов, ни огнестрельного

оружия еще не было в те времена, когда создавались эти карты. Но почему именно он? Как раз его злоключения, по всеобщему мнению, следовало бы считать законченными. В самом деле, сколько же можно! Как будто судьба задалась целью медленно доконать этого мистралийца... Во всяком случае, последние годы она, похоже, именно этим и занималась. Началось все почти шесть лет тому назад, когда молодой, но уже известный бард Эль Драко был арестован у себя на родине по банальному обвинению в заговоре, что в переводе на человеческий язык означало – не прогнулся вовремя перед очередным правительством. Потом, как водится, – исправительный лагерь, побег, повторный арест, застенки Капель Милагро, где незадачливый беглец оставил руку и большую часть лица. Осталось бы там и все остальное, но по счастливому стечению обстоятельств именно он попался под руку Жаку, когда тот совершал свой дерзкий побег. А вот потом... Искалеченный и потерявший рассудок бард исчез на несколько лун и возник неизвестно откуда среди повстанцев Зеленых гор. Причем с двумя руками, с другим лицом и с изрядным провалом в памяти. Даже личность изменилась до неузнаваемости. Трудно сказать, что было тому причиной – пережитое потрясение, потеря Огня или предательство любимой женщины, – но превратился жизнерадостный бард в хладнокровного убийцу. Возможно, таким бы он и остался до конца своих дней, но... то ли просто с течением времени, то ли по причине каких-то событий угасший Огонь барда стал постепенно возвращаться. Кажется, сам Кантор этого не заметил, так как до сих пор не может понять, что с ним происходит, и ужасно по этому поводу психует. Внезапную любовь, наверное, списывает на дурацкое колдовство, а изменения в характере – на расшатанные нервы.

Что же нам скажет вторая карта? Какие именно похождения товарища Кантора следует считать неоконченными? Вот те раз... Отраженный Удар, атакующие существа получают повреждение, равное тому, что нанесли противнику. Символизирует обычно месть или продолжение уже имеющегося конфликта. Неприятно... что же это значит? Крепко побитый господин Дорс продолжит трепыхаться? Почтенный голдианский предприниматель никак не может смириться с тем, что не получилось все, как он хотел? Так ведь много хотел, вот и не получилось. Если мистралийские повстанцы заказали партию оружия, а вы клиентов некрасиво обманули, стоит ли удивляться, что они разнесли вам склад и перебили охрану? Если вам захотелось узнать подробнее о малоизвестных способностях товарища Амарго и вы с этой целью несколько дней усердно знакомили Кантора с вашим штатным палачом, а когда мистралиец сбежал, попытались похитить его девушку, стоит ли кого-то винить в последствиях? Вполне можно понять, почему Кантор застрелил вашего мага, принц Элмар сломал шею вашему бравому подручному, а его величество очень разгневался.

Его величество, как известно, страшен в гневе и очень не любит, когда кто-то портит жизнь его друзьям, да еще так нагло – в самом центре столицы, за два квартала от департамента Порядка и Безопасности. И вы, несомненно, понимаете, что все неприятности, которые на вас свалились после всего происшедшего, – дело рук Шеллара III, но никаких явных тому свидетельств обнаружить не можете. Но вот Ответный Удар настораживает. Видимо, эта история еще не закончена. Что ж, посмотрим. А пока перейдем к будущему.

Будущее ближайшее естественное, справа от центра. Странно, почему Дракон? Ведь вроде бы дракона следует считать если не настоящим, то уж точно более близким будущим, чем встречу с коллегами... Он уже, можно сказать, почти прибыл... Может, вторая карта что-то разъяснит? Странно... на Дракона ложится Зеркало, заклинание, удваивающее параметры существа. Неужели нам под шумок подсунут еще одного дракона и бредовые мечты его величества о драконьем заповеднике и военно-воздушных силах приблизятся к реальности? Может, именно поэтому и задерживается Силантий? Нет-нет, обязательно надо будет проследить лично и пресечь это драконье нашествие. Когда король, ни с кем не советуясь, договорился с вождем стаи и пообещал принять под свое покровительство изгнанника, придворный маг не успел вмешаться. Но на этот раз он точно молчать не станет. Одного дракона его величеству вполне достаточно для общения. А разводить их здесь – так людям скоро места мало станет, не хватало только народных протестов.

Будущее дальнейшее корректируемое, справа вниз наискосок. То, что может случиться, а может, и нет – в зависимости от обстоятельств. Итак, первая карта... ох, как неприятно... И почему этот одиозный Темный Магистр все время вызывает ассоциации только с одним человеком, хотя стандартная трактовка этой карты – любой нехороший человек, наделенный достаточной властью или же могуществом, чтобы устроить гадателю неприятности? Может, потому, что для данного гадателя круг подобных господ очень и очень ограничен? Все равно неприятно. И чего же стоит ждать от этого нехорошего человека без фамилии?.. Поднятие из мертвых? Еще одна очень нехорошая ассоциация... хотя на самом деле карта означает возвращение убитого существа с изменением параметров, а расшифровывается как слуга, посланец, наемник. Надо будет спросить у кого-нибудь из коллег, как следует толковать подобный расклад. У кого-то из молодых, кто сможет взглянуть непредвзято. Может, стоит уже Мафея обучить?.. Впрочем, пусть сначала научится не впадать в истерику после каждого вещего сна.

А пока посмотрим, чем же это нехорошее будущее можно скорректировать. Вот тут рядышком у нас ложится Маленькая Дикарка, символизирующая девочку-сорванца или же девушку соответствующего типа. Скорей всего, переселенка Ольга, существо непредсказуемое, взбалмошное и известное своей способностью все делать неправильно. Даже похожа она чем-то на карточную варварку – та же встрепанная прическа, безумная решимость в глазах, только топорика занесенного не хватает. Действительно, что бы она ни делала, все на первый взгляд кажется ненормальным, но в результате хорошо заканчивается. Чего стоит ее идея собрать команду для битвы с драконом из жертв, ему же предназначенных! А получилось все наилучшим образом. Хочется надеяться, что их с Кантором любовь сложится так же хорошо. Но взглянем лучше, как эта юная переселенка из иного мира может помочь в предложенной ситуации? Следующая карта... Неудача. Карта противника теряет способность атаковать на один ход. Толкуется же в прямом смысле – как неудача. И как это следует понимать?

Будущее дальнейшее ожидаемое. События, которых гадающий давно ждал и теперь имеет шанс дожидаться. Таинственный Незнакомец, он же Маска, он же Черный Призрак, – карта с нулевыми параметрами, может приобретать разные, в зависимости от цвета и количества Силы, используемой для наполнения. Обозначает человека пропавшего или скрывающегося. Неужто объявится наконец уважаемый коллега мэтр Максимильяно, канувший в неизвестность полтора десятилетия назад? Хотелось бы с ним встретиться, многое обсудить...

Еще в те времена, когда они водили знакомство, Максимильяно дель Кастельмарра, один из младших придворных магов королевского дома Мистралии, вызывал некоторые сомнения у коллег. Ходили даже слухи, что он самозванец, но проверить так никому и не удалось. Юный мистралиец постоянно носил несколько щитов, и никто сквозь них не мог пробиться. Магия, использованная для их создания, была далека от классической, и взломать настолько чуждые заклинания ни у кого не получилось. Со временем слухи поутихли, так как все имели возможность убедиться в порядочности младшего придворного мага и его несомненной верности королевской семье. Потом он и вовсе пропал бесследно, после чего всякие попытки разобраться потеряли смысл. Но сомнения так и не оставили почтенного мэтра Истрана. Что-то странное было в молодом мистралийце, что-то неуловимо чуждое и непривычное. Долгое время все знакомые маги сходились во мнении, что это впечатление создает его необычная Сила и нестандартные приемы магии, которым мэтр Максимильяно обучился на каких-то далеких островах. Во всяком случае, так утверждал он сам. И только совсем недавно его величество

Шеллар III путем логических рассуждений нашел разгадку всех неясностей, беспокоивших его придворного мага. Мэтр Максимильяно действительно не был тем, кем себя называл. Более того, он вообще не являлся жителем этого мира. И даже переселенцем. Этот милый юноша... впрочем, какой он юноша, теперь он уже, наверное, старик... был агентом под прикрытием, сотрудником секретной службы одного из соседних миров. И очень хотелось бы мэтру Истрану верить, что эта организация действительно, как утверждает Жак, занимается здесь только научными исследованиями и заботится лишь о сохранении равновесия между мирами. Как раз недавно исчезнувший приятель внезапно нашелся. Мэтр Истран с удивлением узнал, что бывший агент вовсе не отошел от дел, а всего лишь продвинулся по службе. Теперь он через своих подчиненных оказывает посильную помощь мистралийскому принцу в борьбе за трон. И даже общается с ним лично. Орlando даже пообещал, что мэтр Максимильяно обязательно встретится с мэтром Истраном, когда немного разберется с делами. Так что же скажут об этом карты?

Нет, положительно не складывается сегодня гадание! Что бы могла означать Паутина? Блокирует насмерть любое летающее создание. Толкований может быть около десятка. Начиная с того, что встрече что-то будет препятствовать, и заканчивая возможным заговором, причем в любом варианте, подходящем под определение...

– Мэтр! Где вы? Они уже прибыли! – В коридоре послышались размашистые торопливые шаги короля, и придворный маг понял, что закончить гадание сегодня не удастся. Его величество не соизволит ждать знакомства с драконом лишних пять минут. Да и стоило ли вообще раскладывать карты, если они все равно ничего не прояснили, а только добавили сомнений?

Может быть, этой колодой и вовсе не стоит гадать? Ведь никто не гарантирует, что великовозрастные ученики не нашарили ее как-нибудь в столе у наставника и не сыграли партию-другую в «Битву магов»...

Глава 1

Ибо на нас, чародеях, лежит ответственность за судьбы мира!

Лондра всегда славилась мерзким климатом, и зарубежные гости этого славного королевства часто и дружно кляли «паскудную лондрийскую погоду» в целом и все ее проявления по отдельности. Даже сейчас, в начале лета, там было холодно и, как обычно, сыро. Более того, шел дождь. Стекла, мерно звеневшие под ровной дробью ливня, гулко вздрагивали при каждом раскате грома, и даже сквозь тяжелые шторы было видно, как вспыхивают в темном небе молнии. Словом, стояла обычная «паскудная лондрийская погода», и в сравнении с обстановкой снаружи комната, в которой горел камин и мягко светились магические шары, казалась особенно уютной. Вероятно, именно поэтому все собравшиеся дружно молчали, словно боясь своими разговорами спугнуть это тихое ощущение тепла и уюта.

Хозяйка, изящная молодая женщина с идеально, волосок к волоску, уложенной прической и в строгом черном платье, на котором отсутствовало даже такое скромное украшение, как белый воротничок, взглянула на часы и все-таки нарушила тишину.

– Это просто неприлично. Господа, как долго мы еще должны ждать?

– Ну да, – весело хмыкнул разбитной четверть-эльф весьма легкомысленного вида и цапнул со стола тарелку с печеньем. – Даже я уже пришел, а их все нет! Приятно сознавать, что я не самый безалаберный в этой компании, как вы все пытаетесь меня уверить.

– Я уже смирилась с тем, что Силантий никогда не приходит вовремя, – продолжала дама, не обращая на него внимания. – Он вообще немного не от мира сего. Но за Истраном такого до сих пор не водилось.

– Вот именно, – низким, чуть глуховатым голосом отозвался могучий седой кентавр. – Перестань, Морриган. Ты же знаешь, Истран человек обязательный, и, если он опаздывает, наверняка у него есть на то очень уважительная причина.

– А может, он и вовсе не придет? – коварно предположил четверть-эльф, между делом принимаясь жонглировать тремя печеньями. – Вдруг там и в самом деле что-то нечисто и он... скажем так, побоится разборок?

– Думай, что говоришь, Ален! – возмущенно тряхнул гривой кентавр. – Как ты мог предположить, что Истран на такое способен? Да он порядочней тебя в дюжину раз!

– И прекрати играть с едой, – добавила Морриган флегматичным тоном старой прожженной училки, которая перевидала на своем веку всякого и которую не удивишь никакой детской шалостью.

– Всякое бывает, – ничуть не смутился Ален, однако печенье подбрасывать перестал и принялся его просто грызть. – Ты же знаешь, как он всегда трясется над своими воспитанниками, а тут такое горе... Мог и умом тронуться. А безумный маг, сами знаете... Ему законы не писаны, ни человеческие, ни высшие. И чем вам не причина? А, Джоана? Ты чего молчишь?

Уже знакомая нам мэтресса Джоана отставила бокал и пожала плечами:

– Спор беспредметный и бесцельный. Толку от твоих предположений? Придет коллега Истран, сами у него и спросите и посмотрите заодно, в своем ли он уме и правду ли он говорит. А строить гипотезы, не имея никаких фактов, глупое занятие. К тому же я не настолько хорошо его знаю. А с его королем вообще ни разу не общалась лично, только издали видела. Вот Хирон знает лучше, почему бы ему пока не поделиться с нами впечатлениями, тем более что он виделся с его величеством на днях?

– Да, – согласился кентавр. – И могу вас заверить, что упомянутый король совершенно доподлинно жив.

– Ты это на глаз определил? – уточнила Морриган.

– Обижаешь. Я его как следует прощупал. Или ты думаешь, что раз я не балуюсь потихоньку некромантией, пользуясь своим служебным положением, как это делаешь ты, то я уже не в состоянии отличить живого человека от зомби?

– Перестань так шутить, – не моргнув глазом холодно ответила красавица. – А то молодежь может принять это за правду. А как насчет возможной подмены?

– Не берусь утверждать точно, но мне кажется, тоже полная чушь. Я, конечно, не настолько хорошо знаю Шеллара Третьего, чтобы сразу определить, но сомневаюсь, что такого уникального господина вообще возможно кем-либо подменить. А что говорит по этому поводу твой король, Морриган? Они ведь знают друг друга с детства, и, если бы что-то было не так, Элвис бы сразу заметил.

– Элвис тоже утверждает, что все слухи – полная чушь. Однако причину своих умозаключений прячет за вежливой улыбкой и не говорит даже мне. Джоана, и думать забудь.

– А что я такого подумала?

– На твоей хищной физиономии ясно написано, что ты подумала. «Вот бы кого пошмонать!» Так вот, и не мечтай. Сканировать королей тебе никто не позволит.

– На свою физиономию посмотри, – не осталась в долгу Джоана. – Добродетельная ты наша.

Морриган демонстративно достала зеркальце, полюбовалась на себя и сообщила:

– Мне нравится то, что я вижу. А тебе, детка, зеркало доставляет массу разочарования, потому ты и ехидничаешь. Тебе просто завидно, что ты впятеро моложе меня, а выглядишь как сорокалетняя тетка.

– Дамы, дамы! – рассмеялся Ален. – Вы равно прекрасны, и незачем ссориться из-за ерунды. Может, пока коллеги опаздывают, мы на полчаса уединимся? А Хирон пока покараулит...

– Охальник! – возмущенно топнула туфелькой Джоана. А Морриган, поджав губы, изрекла:

– Чем за юбками бегать, лучше бы за своим королем присматривал. Вырастил позорище...

– Ну вот... – недовольно поморщился охальник. – Как только у вас кончаются аргументы, меня тут же начинают тыкать носом в моего короля. Разве я виноват, что он такой получился? У всех бывают ошибки, и у всех бывают неудачные воспитанники. Вы Кендара вспомните, агрессора неугомонного, которого даже Истран не всегда мог удержать. И, между прочим, если бы моего короля не долбали так за его нестандартную сексуальную ориентацию, он, может, и пил бы меньше.

– А если бы он вел себя подобающе и хотя бы соблюдал видимость приличия, никто и не высказывал бы ему упреков столь открыто. За подобное, с позволения сказать, воспитание, вернее, отсутствие такового тебя вообще следовало бы выгнать с треском, как Павлину.

– Да прям уж, – обиделся Ален. – Так уж и с треском. Никто бы и Павлину не выгнал, если бы она не полезла в бутылку и не затеяла драку. Вздрычили бы как следует и оставили, хотя и стервозная она была баба.

– Это потому, что тебе не давала? – съязвила Джоана. – И что, когда ее поменяли на Силантия, дела пошли лучше?

– Лучше, – серьезно сказал Хирон. – Павлина была никудышным воспитателем. Хотя как маг она была специалистом высочайшей квалификации, доверять детей капризной женщине с неуравновешенным характером нельзя, я это говорил и раньше. Она и ста лет не провела при дворе Поморья, а взгляните на результаты. Своевольный, вздорный Зиновий, сварливая и злобная Лисавета, безмолвный затворник Пафнутий, который прячется от жизни среди своих кошек...

– Да перестань, – беззаботно махнул рукой Ален. – Павлина, конечно, была еще та стерва, но не так уж все трагично, как ты говоришь. Зиновий хотя и вспыльчивый, но не злой, а если бы его батюшка не женился на мистралийке, то, может, он и поспокойнее был бы. А Пафнутий очень даже славный парень, не особо разговорчивый, но добрый и мудрый. Ну о Лисавете я молчу, таких вообще надо либо топить в младенчестве, либо выдавать замуж в двенадцать, и желательно за варвара...

– Ты хочешь сказать, что я неправ?

– Нет, ты прав, только немного преувеличиваешь. У всех есть недостатки. У Павлины были свои, у Силантия свои, и к ним надо просто относиться терпимее.

– Извини, но в таком деле, как воспитание правителей, некоторые «недостатки» воспитателя могут вылиться в катастрофу глобального масштаба. А Силантий... Хотя он и забывает обо всем на свете, когда речь идет о драконах, и имеет свойство в таких случаях пренебрегать своими обязанностями, он все же несравненно порядочней, чем покойная Павлина. И мальчики у него воспитываются как подобает, в отличие от некоторых.

– Я и вижу, – усмехнулся Ален. – Принц Василий уже тоже слегка свихнулся на драконах, подобно своему наставнику.

– Зато он не таскает в постель мальчишек и не пьет, как матрос, – оборвала его Морриган.

– Господа, – устало попросил Хирон, – давайте лучше помолчим.

– А вот и опоздавшие! – обрадовался Ален, указывая на телепорт. – Как думаете кто? Спорим, Силантий?

– Проспорил, – недовольно бросил мэтр Истран, окидывая взглядом собравшихся. – Этой своей манерой спорить о чем попало ты напоминаешь мне нашего шута. И разгильдяй такой же. Прошу прощения, господа, я опоздал. Силантий задержится еще минут на десять.

– Вы где-то были вместе? – уточнила хозяйка замка.

– Вы же, наверное, знаете, что Силантий сосватал нам молодого дракона на постоянное проживание? Вот его обустройством мы и занимались. Сейчас коллега даст ему последние наставления и придет. – Он обернулся персонально к хозяйке и с галантным поклоном поцеловал протянутую руку. – Ах, Морриган, и как тебе удастся быть всегда столь юной и прекрасной? Меня прямо зависть берет, честное слово... Скажи кому, что мы ровесники, никто и не поверит...

– Это комплимент или подначка? – усмехнулась Морриган.

– О боги, как же я одичал со своими мальчишками! Настолько разучился говорить комплименты дамам, что их уже принимают за подначки! Морриган, как ты могла такое подумать, ты же меня знаешь со студенческих времен...

– А давайте мы не будем ударяться в воспоминания трехсотлетней давности и займемся делом, – напомнил Ален. – Мы для чего здесь собрались?

– А у тебя что, свиданка накрывается? – поддела его Джоана.

– Будет когда-либо порядок в этой комнате? – устало вздохнула Морриган. – Стоит ли удивляться, что в мире такое творится? Скажи, Истран, вы с Силантием были вместе? И ты не напомнил ему, что вас ждут? Или и сам забыл? Раньше ты, помнится, не имел привычки опаздывать.

– Что ты, милая Морриган! Конечно, я не забыл. Меня задержали не зависящие от меня обстоятельства. Если бы вы знали, господа, каких усилий мне стоило оторвать от этого дракона моего любопытного короля, которому срочно необходимо было задать бедняге двести сорок вопросов... А Силантию я, разумеется, напомнил, и он обещал через десять минут быть.

– Что ж, – повела точеными плечиками Морриган, – подождем еще. А пока, чтобы не терять время, не расскажешь ли ты, что за скандал произошел на прошлой неделе?

– Какой именно?

– В Поморье. Вроде какой-то твой ученик наделал там шуму...

– А, это просто досадная случайность. Парень неосторожно выпил больше, чем следовало, и впал в невменяемое состояние. Но, к счастью, ничего серьезного он натворить не успел.

– Ничего серьезного? – подала голос Джоана. – Дорс вне себя от злости и землю роет, пытаясь найти нахала, который разнес его дом и склад, а также научил внуку непотребным словам. Ты присмотри за учеником, а то, не ровен час, найдет...

– У твоего Дорса руки короткие, – усмехнулся мэтр Истран. – Даже если ты ему любезно продашь эту информацию за кругленькую сумму, чего от тебя вполне можно ожидать. Пусть ищет на здоровье, вряд ли у него получится до этого мальчика добраться. Но я бы на месте Дорса о другом беспокоился. Он нажил себе таких врагов, что я ему не завидую. И тебе, Джоана, посоветовал бы держать любимого внука подальше от этого господина.

– Я не устаю ему это повторять последние десять лет, – проворчала Джоана. – А под «такими врагами» подразумевается твой король? Кстати, ты можешь доступно объяснить, почему он вцепился в этого мистралийца и из-за него так взъелся на Дорса?

– Ну раз ты задаешь мне подобные вопросы, может быть, объяснишь в свою очередь, почему в него так вцепился Дорс?

– Сделка, – тоном заправской перекупки согласилась Джоана. – Баш на баш. Только наедине и по секрету.

– Вы можете отложить ваши личные торговые вопросы до более уместного времени? – поджала губы Морриган. – Где же этот Силантий?!

Как бы в ответ на сей явно риторический вопрос, в центре комнаты снова возник телепорт, и почтенный Силантий, рассыпаясь в извинениях, поторопился приветствовать коллег.

– Давайте начнем, господа, – приступила к делу хозяйка, занимая кресло во главе стола. – Мы и так задержались.

Опоздавшие также заняли свои кресла рядом с Джоаной и ее неизменным бокалом, кентавр поудобнее устроился на специальной кушетке, а непоседа Ален прекратил носиться по комнате и легко вспрыгнул на высокий табурет вроде тех, что пользовались такой любовью у Мафея и товарища Пассионарио.

– Первым делом, – начала мэтресса Морриган, придворный маг Лондры, – мы хотели бы заслушать доклад нашего уважаемого коллеги о том, что же все-таки произошло неделю назад на свадьбе его короля, поскольку вокруг этого события в последнее время возникли нездоровые слухи...

– А, свежие сплетни дошли и до вас? – усмехнулся предполагаемый докладчик.

– Не обижайся, – обаятельно улыбнулся мэтр Ален, придворный маг Галланта, – но мы хотели бы удостовериться, что это действительно только сплетни. Уж как-то подозрительно странно все получилось. Вечером во всеуслышание было объявлено, что король умирает, а наутро он уже в полном здравии бегают по дворцу. Не верится, что ты ошибся в диагнозе, ведь ты лучший элементалист в мире, а пятая стихия – твоя специальность. Чтобы ты неправильно оценил состояние пациента и настолько грубо ошибся в прогнозе... Извини, это не выдерживает критики.

– А что, собственно, вы ожидаете от меня услышать? – развел руками мэтр Истран, придворный маг Ортана. – Вы все достаточно квалифицированные маги, чтобы самостоятельно проверить упомянутые слухи и убедиться в их необоснованности. И, насколько я знаю, некоторые это уже сделали. А почему я должен оправдываться, как нашкодивший ученик, мне совершенно непонятно.

– Не надо на меня коситься, – нахмурился почтенный Хирон, придворный маг Эгины. – Я действительно кое-что проверил и убедился, что ни о какой некромантии речи нет. И я тебе верю. Просто мне, как и всем остальным коллегам, интересно, что же все-таки произошло на самом деле и как это получилось. В этой истории действительно много неясного и странного. И мне не хотелось бы думать, что ты скрываешь от нас что бы то ни было.

– Несомненно, – поддакнула Морриган. – Мне интересно в особенности. Как-то, знаешь ли, странно сознавать, что я, оказывается, не все знаю о ядах и противоядиях.

– Что ж, Морриган, – усмехнулся мэтр Истран, – должен тебя огорчить, действительно не все. Как оказалось, в мире существует некое волшебное универсальное лекарство от всех ядов. В том числе и тех, от которых теоретически не существует противоядия. Честно признаться, я и сам о нем не знал.

– И что же это?

– К сожалению, единственный... э-э... экземпляр, так сказать, этого чудесного снадобья употребил его величество, и я не имел возможности сделать анализ.

Поймите меня правильно, коллеги, речь шла о жизни и смерти, и я не мог позволить себе сидеть в лаборатории, когда мой король умирает...

– Но потом, потом! – воскликнула Морриган. – Должен же был остаться флакон или какая-то емкость, а в ней капли... крошки... или что там было...

– Увы, мне не удалось получить никаких остатков. Это был не флакон и не емкость, а нечто совершенно ни на что не похожее, оно каким-то образом всасывается через кожу и исчезает.

– А откуда оно взялось?

– Верный слуга его величества, который самоотверженно добыл это чудесное снадобье, никому не сказал, где его взял. А в качестве награды за свой выдающийся поступок попросил, чтобы его никогда об этом не спрашивали и даже имени никому не сообщали.

– Какой скрытный, – усмехнулась Джоана, маг-консультант и родная бабушка президента Совета Магнатов Голдианы. – Познакомь нас, и все вопросы исчерпаны. Останутся одни ответы.

– Ни в коем случае. Этот человек знает слишком много государственных тайн, а ты очень любишь их добывать и продавать.

– Как-то уж чересчур складно и безвыходно у тебя все получается, – нахмурилась Морриган. – И мне кажется, ты все-таки что-то крутишь.

– Я сказал вам все, что имел сказать, господа, – твердо заявил мэтр Истран. – И все сказанное – правда. Если вас не удовлетворило мое объяснение и вы продолжаете питать недоверие к изложенным мною фактам, вам никто не мешает самим проверить и убедиться, что мой король действительно жив, что он – это он, не подмена и не оживший мертвец. И для этого необязательно изыскивать благовидный предлог, чтобы с ним встретиться и обследовать его тайком, как это сделал коллега Хирон. Его величество совершенно добровольно позволит вам провести необходимые исследования, если вы попросите его об этом. Более того, он сам предложил, чтобы вы провели эту процедуру официально, в присутствии ваших монархов. Только я тебя убедительно прошу, Ален, проследи, чтобы твой король был трезв. Шеллар и так терпит его из

последних сил, и когда-нибудь его терпение лопнет.

– Ну сколько можно! – скорчил жалобную мину Ален. – Чуть что, и сразу я! Думаете, мне самому не надоело таскать домой упившегося короля и выслушивать, что думает по этому поводу королева? Уж потерпите еще лет десять, больше он все равно не протянет, если будет так пить. И кажется, Истран, ты пытаешься увести нас в сторону от темы...

– Действительно, – кивнул Хирон. – Давайте не будем отвлекаться. Итак, господа, как вы полагаете, следует ли нам устраивать предложенное официальное мероприятие? Мне кажется, это будет лишним. Даже если там что-то не так, мы этого не обнаружим. Если бы это вообще можно было как-то обнаружить, нам бы не сделали столь щедрого предложения.

– А в чем тогда подвох? – с интересом повела глазами Джоана.

– Интересный вопрос, – улыбнулась Морриган. – Понятно, что слухи, появившиеся в последнее время, очень не нравятся его воскресшему величеству и его придворному магу. Также понятно, что они затевают официальное расследование, чтобы получить официальное же опровержение. Однако от исчерпывающих объяснений коллега уклоняется. Следовательно, как и сказал Хирон, мы ничего не обнаружим, поскольку ни о подмене, ни о некромантии речи нет. Значит, возможен некий третий вариант, которого не учли или до которого не додумались авторы порочащих слухов... или просто не стали использовать, так как ничего порочащего в нем нет. И мне хотелось бы, дорогой Истран, задать тебе один вопрос и посмотреть, уйдешь ли ты опять от ответа, скажешь правду или откровенно солжешь.

– Я весь внимание.

– Твой король вообще смертен?

Присутствующие дружно зашевелились, Джоана ахнула, непосредственный Ален вслух присвистнул.

– Поздравляю, Морриган, – покачал головой мэтр Истран. – Такой вариант даже мне не пришел в голову. Что ж, отвечу честно. По всем параметрам Шеллар такой же смертный человек, как и все. Однако точно в смертности человека

можно убедиться единственным способом, и этого, как ты знаешь, пока не случилось. Опять же убедиться в его бессмертии также можно только одним способом, и вынужден тебя огорчить, ничего подобного в день свадьбы не случилось, если ты на это намекала. Как ни жаль мне вас разочаровывать, господа, я сказал вам правду. Его величество действительно не умер и не воскрес, а был спасен при помощи некоего снадобья, о котором никто никогда не слышал. И я отказываюсь посвятить вас в подробности вовсе не потому, что мне есть что скрывать, а потому, что связан обещанием. И я все же полагаю, что мое обещание молчать – ничтожная плата, несоизмеримая с ценой, коей является человеческая жизнь. И с вашей стороны будет неуместно и безнравственно настаивать на том, чтобы я его нарушил.

– Пожалуйста, – развела руками Морриган. – Как всегда, выкрутился. Что ж, ты, конечно, прав, убедиться в смертности человека можно только одним способом. А насчет бессмертия все же могут быть варианты... Я предлагаю, господа, все-таки провести официально процедуру обследования и для проверки третьего варианта пригласить еще одного мага, который является признанным и единственным специалистом в этом вопросе.

– А что, такой специалист существует? – заинтересовался Ален.

– Существует, – улыбнулся Хирон. – Только его надо сначала найти, а это, должен сказать, не так-то легко.

– Отыщем, – согласно кивнул мэтр Истран. – Если вам хочется. Только я бы не возлагал на него особых надежд. Насколько мне известно, он даже о собственном бессмертии знает не так уж много.

– А ты спрашивал? – повела бровью Морриган.

– Я – нет. Но наши мистралийские коллеги спрашивали, и мне говорили об этом и мэтр Хавьер, и мэтр Максимильяно.

Все, как по команде, притихли и невольно устремили взоры к седьмому креслу, пустовавшему уже двадцать лет, с тех самых пор как во время первого переворота был убит мэтр Хавьер, старший придворный маг Мистралии.

– У вас есть еще вопросы или перейдем к следующей теме? – наконец подал голос мэтр Истран.

Вопросов больше не последовало, и, единогласно решив, что согласовать время и место процедуры можно будет позже, когда удастся отыскать неуловимого Казака, почтенные мэтры перешли к следующему пункту.

– А теперь, – сказала Морриган, обращаясь к придворному магу Галланта, – пусть мэтр Ален разъяснит, чего нам ожидать от очередного загула ее величества Агнессы.

– А чего тут ожидать? – искренне удивился Ален. – Того же, что и обычно. Родит еще одного. Может, на этот раз повезет и будет мальчик. По всем признакам вроде мальчик, но точно судить пока рано. И не смотрите на меня так, на сей раз я тут совершенно ни при чем.

– Это нас несказанно радует, – язвительно заметила Морриган. – Но хотелось бы знать, кто в таком случае «при чем» на сей раз?

– По подсчетам ее величества, некий ортанский рыцарь, с которым она танцевала на балу в праздник весеннего равноденствия.

– От танцев, – ворчливо заметил Хирон, – детей не бывает. Неужели ее величество даже не поинтересовалась, как этого шустрого кавалера зовут?

– Разумеется, они были представлены, но она через пару дней забыла его имя. А это так важно? Если вас интересует родословная, пусть коллега Истран расскажет, он лучше знает.

– Родословная... – вздохнул мэтр Истран. – Что тебе сказать, Ален... Развлеклась твоя королева на славу, сомнительные родословные ее дочерей меркнут перед этим последним приключением...

– Почему это сомнительные? – обиделся Ален. – Ничего сомнительного. Отец Люсиль – граф де Шамбор, Жанна... э-э... ну сами знаете... А малышка Жасмина – дочь эгинского посла. Или это моя родословная тебе кажется сомнительной? На себя посмотри.

– Ален, – раздраженно перебила его Морриган, – поверь мне, то, что ты потомок Аэллана, твое единственное достоинство, все остальное – одни недостатки. И более того, это единственное достоинство не является твоей личной заслугой.

– Господа! – воззвал Хирон. – Не отвлекайтесь! Так что ты хотел сказать, Истран? Что не в порядке с этим загадочным кавалером?

– Все в порядке, – развел руками мэтр Истран. – За исключением родословной, которая вообще отсутствует как таковая. Все, что известно о происхождении кавалера Лавриса, – место его рождения и род занятий матери. Сей доблестный рыцарь появился на свет в захолустном городишке в одной из западных провинций, где его покойная матушка трудилась при почтовой станции, оказывая интимные услуги проезжающим. Дворянство Лаврис получил семь лет назад за личную доблесть и выдающиеся заслуги перед короной. У нас, знаете ли, есть традиция – в корпус паладинов принимаются все, независимо от происхождения, исходя исключительно из боевых качеств и опять же заслуг, и при поступлении в корпус жалуется дворянство всем, кто до тех пор принадлежал к другим сословиям. Вот и вся родословная. В утешение могу добавить, что кавалер Лаврис абсолютно здоров как физически, так и умственно, и можно надеяться, следующий король Галланта будет наконец без отклонений.

– Учитывая, что в нем не будет ни капли королевской крови, разумеется... – усмехнулась Морриган. – Все-таки какие вензеля иногда выписывает судьба! Знал бы этот будущий король, что на самом деле он внук ортанской станционной шлюхи...

– Как смешно! – раздраженно отозвался Ален. – За своими гномами смотри!

– Кстати, Истран, – проигнорировав последнее замечание, обратилась к коллеге Морриган, – как с этим обстоит дело у тебя?

– С чем? С судьбой, шлюхами или гномами?

– Не валяй дурака! С наследственностью. Вот твой король, хвала богам, женился наконец. Скоро у него появятся дети, смею надеяться. И мне как-то даже боязно предполагать, что они могут унаследовать по отцовской линии...

– Как что? – невинно приподнял брови мэтр Истран. – Гномьи гены лондрийских королей...

– Так ее, – тихонько хихикнул Ален.

– Я серьезно, – обиженно поджала губы Морриган. – А ты издеваешься. Между прочим, ничего плохого, кроме внешности, в гномьих генах моих королей до сих пор не наблюдалось. Да и внешность тоже вопрос спорный, все зависит от традиций и вкуса.

– Что ж, может быть, – улыбнулся мэтр Истран. – Хаггс был парень по-своему симпатичный, а у королевы Мэри-Клэр, наверное, был своеобразный вкус...

– Опять ты хихикаешь, а вопрос очень даже не смешной. Ты можешь хотя бы примерно прогнозировать, что за наследник получится у твоего короля? Еще один маленький Шеллар, который только к пятнадцати годам научится улыбаться? Или что-то еще похлеще?

– Я не могу прогнозировать, что конкретно получится, – пожал плечами мэтр Истран. – Но следующее поколение должно быть без отклонений. Проклятие, висевшее над династией, утратило силу, и это, между прочим, полностью заслуга его величества. Именно он, тот самый Шеллар, которого вы все так опасались, от которого вечно ожидали какого-то зла, вплоть до того, что подозревали в убийстве своей семьи... Не опускай глаза, Ален, ты имел наглость заявить это прямым текстом... Так вот, именно он, его мужество, его ум и... его преданная любовь смогли снять проклятие и дать надежду, что отныне в королевской семье Ортана снова будут рождаться дети, и это будут нормальные здоровые дети. Помнится, кто-то мне не верил, что из Шеллара получится что-либо путное...

– Что ты опять на меня косишься? – надулся Ален. – Это не я, это Павлина вечно с тобой спорила.

– Ты ее поддерживал.

– А все ее поддерживали. Никто не верил, что из этого оловянного солдатики с каменным сердцем и ледяными глазами когда-либо вырастет нормальный человек. Вон Морриган вообще предлагала его убить...

– Не заводись, – осадил его Хирон, видя, что Морриган уже близка к тому, чтобы попортить коллеге прическу. – Тебе просто обидно, что ты был неправ, и завидно, что Истран сумел все-таки научить человека, лишённого чувств от рождения, любить самоотверженно и преданно, а ты неспособен даже отучить своего короля от пьянства.

– Опять! – взвыл Ален. – Да сколько же можно по любому поводу тыкать меня носом в это недоразумение! Между прочим, его величество в последнее время стал пить намного меньше.

– Только не пытайся приписать это достижение себе, – язвительно напомнила Морриган. – Кстати, Истран, не прояснишь ли ты нам, чья это заслуга на самом деле? Кто ухитрился так перепугать этого бедного пьяницу, что он теперь до судорог боится неких мертвых принцев и при напоминании о них готов даже отказаться от очередной рюмки? А то по описанию как-то подозрительно похоже на твоего загадочного ученика, который учинил пьяный дебош в Белокамне и в Новом Капитолии. Ты объяснишь нам, кто этот загадочный ученик, или опять изящно уйдешь от ответа?

– Действительно, – подал голос Силантий, скромно молчавший до сих пор. – Мне тоже интересно, кто этот таинственный юноша, которого с первого взгляда узнали и Зиновий, и Пафнутий, причем предпочли сохранить свое открытие в тайне даже от меня.

– Чтобы скрыть что-то от тебя, и напрягаться особенно не надо, – заметил Ален.

– Не всем же быть такими пронырами, как ты, – немедленно парировал придворный маг Поморья. А мэтресса Морриган тихо засмеялась.

– Вот, значит, как... Шеллар и здесь оказался шустрее всех. Представляю, как расстроится Элвис, когда узнает...

– Ты о чем? – немедленно насторожилась Джоана.

– А ты сама подумай, – улыбнулся Хирон. – Подумай и сложи воедино несколько фактов. К примеру, рассказ перепуганного короля о мертвых принцах, который Ален нам тут приводил чуть ли не дословно, молодого мистралийского мага,

который откуда-то вдруг появился в учениках у Истрана, и тот факт, что его знают в лицо члены королевской семьи Поморья...

– Ой, мать моя... – хлопнул себя по лбу Ален. – Как же я сразу не догадался? Но как? Истран, как вы с твоим хитроумным королем умудрились его отыскать? Это же... сенсация!

– Подумать только! – покачал головой Силантий. А мэтресса Джоана вдруг как-то неуместно и без всякого видимого повода истерически расхохоталась.

– Мы все рады, что до тебя тоже дошло, – с ехидцей заметила Морриган. – Но зачем это так демонстрировать?

– Ты не поняла... – простонала Джоана, не в силах остановиться. – Это же... Ой, не могу... Нет, вы только представьте себе рожу Багги Дорса, когда он узнает...

– А вот он, – с нажимом на каждом слове произнес мэтр Истран, – об этом узнавать не должен. Тебе ясно, Джоана? Ни за какие деньги.

– Полагаешь, она удержится? – с сомнением поинтересовался Хирон.

– Удержится, – так же жестко ответил коллега. – Если она хорошо помнит, что случилось с Павлиной.

– Не надо меня пугать, – утирая выступившие от хохота слезы, сказала Джоана. – Если все так серьезно, то, разумеется, я ему не скажу. Да и невыгодно мне это, если честно. А все-таки, Истран, как вы его нашли?

– А мы его и не искали, – пожал плечами придворный маг Ортана. – Он сам к нам пришел. По собственной воле. Пожелал поздравить Шеллара с бракосочетанием и попросился ко мне в ученики. Так что, Морриган, не стоит так завидовать. Уж кто-кто, а Элвис в любом случае оказался бы предпоследним в списке его посещений. Ты сама должна помнить, они питали друг к другу явную антипатию.

Ален, для которого, как и для всех, было абсолютно ясно, кто оказался бы последним, скорчил недовольную рожицу, повертелся на стуле и вдруг весело хихикнул.

– А знаете, господа, ведь при счастливом стечении обстоятельств у нас есть шанс снова заполнить пустующее кресло. И что забавно, это будет первый случай в истории, когда кресло в совете магов займет король...

– Молодой ты, Ален, – с сожалением посмотрел на него кентавр. – И плохо знаешь историю.

– А разве такое бывало?

– О, чего только не бывало в этом мире... Хотя мысль сама по себе интересная. Как ты полагаешь, Морриган?

– Молчу, – отчаянно замотала головой мэтресса. – Сглазить боюсь. Что будет, то и будет, не надо загадывать.

– Молчи, молчи, – поспешно поддержал ее мэтр Истран. – А то и в самом деле сглазишь. Кстати, давно хотел тебя спросить, ты именно поэтому каждого мистралийского правителя лично ездешь поздравлять и желаешь им долгого и счастливого правления? Чтобы сглазить?

– Разве там хоть один порядочный попался? – усмехнулась Морриган.

– Гондрелло ты тоже поздравляла?

– А чем он лучше других? Жаль только, что мне ни разу не удалось увидеть их советника... Вот бы кого сглазить!

– Давайте не будем о всяких гадостях, – поморщился Хирон. – Пусть лучше нам Истран расскажет о своем новом ученике. Что из него выросло, каков он как человек и как маг?

– Он хороший мальчик, – без колебаний заявил мэтр Истран. – Он будет добрым и великодушным правителем.

– Где-то я это уже слышал... – лукаво усмехнулся Ален.

– И не раз, – согласился Хирон.

– А разве я хоть раз ошибся? – улыбнулся придворный маг Ортана и обвел взглядом присутствующих. – Разве мои мальчики хоть раз опровергли мои утверждения?

– Ни в коем случае, – заверила его Морриган. – У тебя прекрасные мальчики, Истран. Особенно последний. Но хотелось бы подробнее именно об этом. Или, может быть, нам стоит пригласить его и пообщаться с ним лично? Как ты полагаешь?

– Полагаю, это будет преждевременно. Орландо очень милый и славный юноша, но ему свойственна некоторая несобранность и... Словом, у меня есть опасения, что он не сумеет сохранить тайну, в которую мы его посвятим. А как маг... он очень талантлив, но неопытен. С ним еще работать и работать.

– Очень подробно, ничего не скажешь... – хмыкнула Морриган. – Ладно, все равно от тебя ничего, кроме «хороший мальчик», не добьешься. Проясни еще один маленький политический нюанс. Этот милый мальчик что-либо делает для того, чтобы вернуть себе корону?

– Да, – кратко кивнул мэтр Истран.

– Он имеет дело с какой-либо из мистралийских оппозиционных партий?

– Да.

– Официально?

– Инкогнито.

– Это партия Реставрации?

– Ты поразительно догадлива.

– Тут не надо быть поразительно догадливой. Это единственная партия, которая додумалась заявить, что «принц с нами, но сохраняет инкогнито». Значит, они все же говорят правду, кто бы мог подумать? Что ж, будем знать на случай, если

они обратятся к нашим королям за помощью... А теперь перейдем к следующему вопросу. Силантий, до меня дошли слухи, что твой король собирается женить младшего внука? Ты уже знаешь на ком?

– Да он сам еще толком не знает, – недовольно отозвался Силантий, которого оторвали от каких-то приятных размышлений. – Ему, как обычно, что-то взбредет в голову в последний момент...

– А когда он думает передавать сыну посох? – подал голос Хирон. – Долго он еще будет на троне мантию протирать? Давно на заслуженный отдых пора, правнуков уже дождался, а с посохом все никак не расстанется. Пафнутию уже под сорок, а он до сих пор наследный принц. Что себе думает твой Зиновий? Не хватало, чтобы он дожил до старческого маразма, по-прежнему оставаясь на престоле. Ты этим вопросом вообще занимаешься? Или у тебя только на драконов времени хватает, а на своего короля – нет?

– Занимаюсь, – степенно отозвался Силантий. – Но разве Зиновия так просто убедить, что ему уже пора на покой? Он до сих пор считает, что еще не слишком стар, а Пафнутий еще не дорос до посоха. И хоть кол ему на голове теши, упряму... Что мне с ним делать прикажете?

– С королями надо работать, – развел руками мэтр Истран. – Их надо воспитывать, постоянно и ежедневно. До того, как они начнут выживать из ума, а не после.

– Все свои упреки можешь адресовать Павлине, – нахмурился Силантий. – Когда я стал старшим придворным магом и наставником, Зиновию было уже за пятьдесят и перевоспитывать его было немножко поздно. К тому же у него от природы вздорный характер, который практически невозможно исправить никаким воспитанием. Ты своего Кендара вспомни, как ты его всю жизнь за плащ ловил, чтобы не затеял какую-нибудь войну, и как часто это у тебя получалось. Вот такой же случай. Я поговорю с Зиновием, но ничего не обещаю. Он упрям, как сто ослов.

– Все же поговори, – подвела итог Морриган. – И если что-то пойдет не так, я имею в виду, если он и в самом деле начнет вести себя неадекватно, немедленно сообщи. Мы все вместе поможем тебе как-то уладить ситуацию.

– При помощи яда? – ехидно заметил Ален.

– За кого ты меня принимаешь? При помощи независимой медицинской экспертизы, которая признает его величество недееспособным, если тебе так уж интересно. Кстати, с твоим тоже давно пора то же самое сделать, хотя его и отравить не велик грех. Если бы в Галланте женщины наследовали трон или если бы у Агнессы был хоть один сын, я бы уже давно настояла на устранении этого ничтожества. Но пока у него нет прямых наследников, такой шаг может привести к активной борьбе за власть и прочим беспорядкам, только поэтому я до сих пор терплю твоего Луи и не поднимаю вопроса о его отстранении от власти.

– Оставь моего короля в покое! Что он кому плохого сделал? Безобидный тихий алкоголик, пьет себе и никого не трогает. И, между прочим, своих любовников он силком в спальню не таскает.

– Кто же ему откажет, раз он король, – сердито заметила Джоана. – Все остальные тоже...

– Давайте о деле, – напомнил Хирон. – Не превращайте совещание в арену мелких личных ссор. Так мы до завтра не управимся, вопросов еще много.

Вопросов действительно накопилось столько, что заседание затянулось чуть ли не до полуночи. Поэтому, когда обсуждение последней проблемы было завершено, господа маги заторопились по домам. Первым исчез Силантий, который под конец настолько отвлекся от темы разговора и погрузился в свои размышления, что на прощание вместо «до свидания» торопливо фыркнул что-то по-драконьи. Затем откланялся величавый Хирон. Повеса Ален преувеличенно томно поцеловал руку хозяйки и полушутя поинтересовался, действительно ли она намерена выставить его из дому в такую погоду. Получив категорическое подтверждение, он, не смущаясь, перевел свой лукавый взор на Джоану, но тут ему не дали и рта раскрыть. Мэтр Истран с ехидной усмешкой заявил, что провожать даму он намерен сам, поскольку им необходимо обсудить кое-какие личные вопросы, и, подхватив даму под локоток, исчез вместе с ней в облачке телепорта.

– Что ты так хмуришься? – поинтересовался он, наблюдая, как мэтресса сбрасывает туфельки и первым делом направляется к столу, на котором

стояла бутылка. – Неужели тебя так угнетает тот факт, что из всех нас одна ты не умеешь телепортироваться? Так это недостаток твоей школы, и ничего постыдного в этом нет. Школа Высшего Разума – очень узконаправленное учение, и...

– Да нет, – поморщилась волшебница, наливая себе выпить. – Просто у Морриган есть гадская манера каждый раз ехидно прохаживаться насчет моего возраста, а я этого не люблю.

– Не обращай внимания, – посоветовал старик, удобно располагаясь в кресле. – Морриган в твоём возрасте сама выглядела точно так же, и ты напоминаешь ей не лучшие времена.

– А правду говорит Ален, что у вас с ней триста лет назад была пылкая любовь? – не удержавшись, полюбопытствовала Джоана. Ей давно было интересно это уточнить, а тут как раз выпал повод.

– Не триста, а четыреста, и не пылкая любовь, а легкий студенческий роман, перешедший в приятельские отношения. А триста лет назад она была совсем с другим человеком, что есть исторический факт, и ты бы должна об этом помнить. Поменьше слушай Алена, ему двухсот еще нет. Откуда ему знать, кто кого любил в те времена, когда он еще не родился. Ну что, поговорим о деле, да я пойду проверю, что там делают мои мальчики?

– Сейчас, минуточку, – извиняющимся тоном попросила Джоана и, приоткрыв дверь, окликнула прислугу в коридоре.

– Сию минуту, госпожа! – донеслось оттуда. – Уже иду!

– Да не нужен ты мне! – прервала слугу мэтресса. – Скажи только, господин президент уже спит?

– Никак нет, госпожа, он у себя в кабинете. У него господин Дорс.

– Свободен! – рыкнула хозяйка, захлопнула дверь и раздраженно топнула ножкой. – Что за несносный ребенок! Я же ему говорила, предупреждала, нет, он опять что-то обсуждает с этим...

– И тебе хотелось бы знать, что именно, – улыбнулся мэтр Истран. – Но просканировать этих господ без их ведома ты не можешь, а идти на открытый конфликт не хочешь. Могу помочь. Разумеется, не бесплатно.

– От тебя ли я это слышу? – изумилась Джоана. – А как же бескорыстие и прочее благородство?

– Э, милая, бескорыстие допустимо с Хироном или Силантием, на самый худой конец с Морриган. А с тобой можно играть только по твоим правилам. Так что, если желаешь узнать, о чем сейчас беседует твой внук со своим коллегой, смились с тем, что и я это тоже послушаю.

– Хорошо, – согласилась мэтресса. – Тебе нужно зеркало? Пойдем в спальню.

– Ай-ай-ай! – проворчал мэтр, выбираясь из кресла. – Падение нравов превосходит всякие пределы! Дама приглашает почтенного господина в свою спальню, нимало этого не стесняясь!

– Положим, тебя можно приглашать, не стесняясь, – засмеялась дама. – Вот Алена я бы приглашать не стала. А касательно нравов, уважаемый мэтр, давно ли ты стал таким щепетильным? Как-то не верится, что ты с детства отличался строгой нравственностью. Сразу почему-то возникает вопрос, как в таком случае появилась на свет Этель? Ее бабушку в капусте нашли? Или из яйца вылупилась?

– Ох и язва ты, Джоана... – поморщился мэтр. – Неудивительно, что вы с Этель нашли общий язык. А теперь прекрати ехидничать и смотри.

Большое зеркало затуманилось, затем просветлело, явив взорам наблюдателей кабинет господина президента и почтенных магнатов за деловым разговором.

– И не пытайся меня уговаривать! – восклицал господин Факстон, категорически отмахиваясь от собеседника. – Твои проблемы, сам их и решай! Больше я в твоих авантюрах не участвую! С меня хватило тех «переговоров»! Как я мог согласиться на такой идиотизм! Ты меня подставил, как болвана!

– Постой, Зюс, ты что-то не то говоришь, – остановил поток возмущений господин Дорс. – Каким образом я тебя подставил? Что я такого особенного у

тебя попросил?

– Сущую малость! – продолжал психовать президент. – Попытаться втолковать Шеллару, что ты ему нужен и ему невыгодно враждовать с тобой из-за всякой ерунды! Милая невинная просьба! Если учесть, что Шеллар уехал почти на луну и оставил вместо себя своего твердолобного кузена...

– И что здесь такого?

– Да, конечно, ничего! Ты снарядил меня на переговоры, а сам, подлец, в тот же вечер устроил какой-то налет с погромом... Не делай круглые глаза, так я тебе и поверил! Пока я, как придурок, дожидался его высочество Элмара в королевской приемной со своими дипломатическими тонкостями, твои люди напали на какую-то девицу, разнесли чей-то дом и рассердили его высочество так, что он меня чуть не пришиб, едва заслышав твое имя!

– Зюс, уверяю тебя, я здесь...

– Внушку свою уверяй, гнусный интриган! Знаешь, что я пережил из-за тебя?!

– Ну не преувеличивай...

– Не преувеличивать? Ты видел когда-нибудь это необъятное высочество? Твоего Кроша пополам перекусит не глядя и не напрягаясь. И представь себе, этот громила входит и с порога начинает выверяться на тему, что я здесь делаю. Я, как идиот, начинаю ему о тебе, а он как стал орать... Чего я только о себе не услышал! Я двуличный подлец, грязный торгаш, лицемерный бандит... Что ты улыбаешься, это все о тебе, между прочим! А я это все заработал лишь за то, что имею с тобой дела! Ты еще обижаешься – я тебя сегодня не принял, как я мог! Да чтобы я еще где-нибудь за тебя заступался!..

– Что тебя так смущает? – обиделся господин Дорс. – Можно подумать, ты сам свои дела ведешь кристально честно! И можно подумать, у тебя...

– Пойми одну простую вещь, Багги, – негромко и жестко произнес президент, сразу перестав суетиться. – Мы все ведем свои дела так, как считаем нужным. И все мы не святые. Это принципиально невозможно в бизнесе. Но при этом важно

держат все неприятные моменты в тени и соблюдают хотя бы некоторую внешнюю благопристойность. Пока она соблюдена, ты почтенный магнат, член правительства и уважаемый человек. Но как только твои неблагоприятные делишки становятся достоянием общественности, ты уже никто. Это в лучшем случае. А в худшем – то, что сказал о тебе принц-бастард Элмар. И тогда от тебя отворачивается высшее общество, деловые партнеры срочно прекращают с тобой всякий бизнес, верные подчиненные разбегаются, как тараканы, и даже твое состояние почти полностью уходит на адвокатов, чтобы избежать хотя бы тюрьмы. Так вот, ты попал, Багги. Ты пропоролся так, что о твоей афере с мистралийцами, а также о налетах и погромах в считанные дни будет знать весь континент. И Совет Магнатов поспешит очистить свои ряды от сомнительных членов, могущих повредить его репутации и авторитету на международной арене. Для этого даже доказательства не нужны, достаточно сомнения, подозрения. Даже если бы и можно было как-то опровергнуть заявления о твоей нечистоплотности в бизнесе, этим никто не будет заниматься, кроме тебя самого. В таких вещах каждый сам за себя. И я тоже не намерен стоять с тобой рядом, когда на тебя будет литься дерьмо. Мне и так уже досталось. Говорю тебе сразу, я больше не буду ни поддерживать тебя в Совете, ни тем более заступаться перед Шелларом. Завтра я изыму свою долю капитала из наших совместных предприятий по добыче и обогащению руды. Если ты не в состоянии выдать мне эту долю деньгами, я пришлю к тебе своего бухгалтера, сделаете ревизию и поделите основные средства. Я уйду в сторону. И мне только обидно и унижительно сознавать, что я оказался в этом деле глупее и нерасторопнее, чем твой палач, который сбежал первым. Могу поспорить, следующим сбежит Ганзи.

– Не торопись, – напряженно произнес господин Дорс, выслушав все это. – Ты опять преувеличиваешь. Ничего мне твой Шеллар не сделает. А если даже в зарубежных газетах кто-то что-то и заявит, на это никто не обратит внимания. Они постоянно вопят, что голдианские купцы ведут свои дела нечестно, и к этому уже все привыкли. Тем более эти заявления будут выглядеть просто смешно. Налеты, погромы, девицы какие-то никому не нужны... Нагромождение нелепостей. А что касается мистралийцев, то кому интересны их претензии? Они кто? Разбойники и бандиты. А кто я? Закопослушный гражданин, от этих самых разбойников пострадавший. Другое дело наши дорогие коллеги и конкуренты, которые только рады будут ухватиться за любой повод, чтобы меня сожрать. Вот это и есть реальная опасность, и именно поэтому я к тебе пришел. Но, вижу, напрасно. Ты разинул свою пасть раньше всех и, когда меня начнут рвать на части, хочешь быть первым, чтобы урвать часть побольше. А я считал тебя другом...

– Побойся богов, Багги, – изумился господин президент. – Какие в нашем деле могут быть друзья? Я, конечно, не стану тебя специально топить, но и тонуть вместе с тобой не собираюсь. А что касается серьезности претензий и заявлений... Может, мистралийцев никто бы и не стал слушать, они действительно всего лишь незаконная организация, можно сказать, разбойники и бандиты. Но с Шелларом ты зря связался. Дело не в том, что он король, он все равно не будет делать заявлений от себя лично. Он тихонько, не афишируя своего участия, организует тебе негативную прессу как за рубежом, так и у нас. А твои конкуренты его с радостью поддержат, как ты сам верно догадался. Единственное, что ты можешь с этим поделаться, – это договориться с ним полюбовно, хотя я не знаю, как именно. Над твоим предложением о торговле оружием Шеллар посмеялся, а за все твои художества на его территории он на тебя зол. Хоть он и заставил своего огромного кузена принести мне официальные извинения, с тобой он намерен разобраться. Ты бы хоть подумал головой еще тогда, когда он предлагал тебе выкуп. Раз он знает о твоих делах с мистралийцами, тебе надо было не лезть на рожон, а быстренько и по-тихому договориться, чтобы информация не всплыла. А ты вместо этого еще и налет устроил. И его величество опять же точно знает, что это ты.

– Определенный риск был, – неохотно признался господин Дорс. – Но если бы все получилось как надо...

– Что ж, ты рискнул, и тебе не повезло. И виноват в этом только ты сам. Твои люди облажались так, что сказать стыдно. Сначала они, как придурки, гонялись за девицей по дому, полному ловушек и потайных ходов, а потом додумались взять в заложники принца Элмара. Хватило же ума! Другого заложника, попроще, они найти не могли, не иначе в столице людей мало живет. Они драконов не пробовали в заложники брать? Закономерно, все закончилось тем, что их размазали по стенам, а единственный выживший наложил в штаны и дал против тебя показания. Официальные, запротоколированные показания. И в придачу ко всему, твой мистралиец добрался до своих и тоже, как ты сам понимаешь, молчать не будет, а пропаганда у них поставлена как следует...

– Плевать я хотел на их пропаганду, – ругнулся Дорс. – И на твоего разлюбезного короля, допрыгается он когда-нибудь... Напугал дракона спичками! Не хочешь помочь – не надо. Сам отобьюсь. А ты целуйся со своим Шелларом, дожدهшься второго Келси. И не думай, что меня так просто утопить, как тебе кажется.

– Отбивайся, – равнодушно пожал плечами господин Факстон. – На здоровье, сколько хочешь. Мне-то что? У меня свои проблемы, у тебя свои. Только скажи сразу: деньгами отдашь или бухгалтера присылать?

– Сразу не скажу, – презрительно бросил Дорс, поднимаясь. – У меня бухгалтер новый, еще не во всем разобрался и с отчетами запаздывает. Завтра скажу. А от тебя я ничего другого и не ожидал. Ты всегда был трусом и маменькиным сынком. А я еще собирался предложить тебе новое грандиозное предприятие... Нашел с кем связаться! Я лучше с Пуришем или Везером договорюсь.

– Если они станут тебя слушать, – как бы не замечая его тона, вежливо улыбнулся президент. – А меня твои авантюры не интересуют. Опять, наверное, какая-то афера, вроде той с мистралийцами. Я всегда знал, что ты достаточно рискованный игрок, чтобы вести дела с бандитами, но что ты настолько обнаглел, чтобы их при этом кидать...

– Я вас всех еще не так кину, – посулил напоследок Дорс и покинул кабинет, не попрощавшись и хлопнув дверью.

– Ай-ай-ай, Джоана, – укоризненно сказал мэтр Истран, одним движением руки выключая изображение в зеркале. – И ты без малейших угрызений совести оказываешь услуги этому уголовнику?

– Так не даром же, – искренне удивилась мэтресса. – Он мне хорошо платит. Я всем оказываю услуги, и государственным службам, и частным лицам. Надо же как-то зарабатывать на жизнь. Вам-то хорошо, вы все официальные придворные маги, а я так, приближенное лицо господина президента. Причем большинство ныне живущих уже не помнят, что я его бабушка, и считают любовницей.

– Ничего, – улыбнулся старый маг, – через пару поколений перестанут. Надеюсь, ты довольна, что твой внучек не полез в сомнительные авантюры господина Дорса? Тогда давай закончим наш обмен информацией, а то уже поздно и мне домой пора, у меня там Мафей без присмотра. Итак, что же такого ценного нашел господин Дорс в том несчастном мистралийце, которого ты столь безуспешно пыталась сканировать?

– Ты и об этом знаешь? Ты что, с ним общался? Это он сам тебе сказал?

– Это он сказал его величеству, а тот сообщил мне. И так?

– Я не уверена точно... – замялась Джоана, – но мне кажется...

– Э, нет, так не пойдет. «Не уверена», «кажется» – это не объяснение. Все ты знаешь точно.

– Точно можно знать только одним способом. А в остальном только предполагать. Так вот, мне кажется, Багги решил, будто ему в руки попал мистралийский принц. Ты, наверное, сам заметил, что этот парень как две капли воды похож на Макси, и Сила в нем та же. Так вот, когда я сказала об этом Багги, он так засуетился, глазки забежали, пальчики зашевелились... Знал бы этот болван, что, пока он строил грандиозные планы касательно своего узника, настоящий принц разносил его дом... Да помню, помню, не скажу я ему. Пошел он...

– Джоана, – нахмурился мэтр Истран, – а зачем ты ему сказала о своих наблюдениях? Да еще задаром? Нечаянно? Не поверю. Нарочно ведь намекнула. Что, разыграть почтенного магната захотелось? Или какой-то коммерческий интерес в этом деле обнаружила? Уж растолкуй старому недотепе, что ты собиралась с этого получить. Ведь именно из-за твоих намеков случился упомянутый налет с погромом, чуть не стоивший жизни совершенно посторонним людям.

– Между прочим, – обиделась мэтресса Джоана, – если бы не мои намеки, этого парня убили бы в тот же вечер, тебе это не приходило в голову?

– Скажи еще, что ты это сделала с целью его спасти. Бесплатно. Так я и поверил.

– Не бесплатно, – процедила сквозь зубы волшебница, нервно прикуривая. – Очень даже не бесплатно. Этот мерзавец чуть не забил меня до смерти и привязал к столбу в Лабиринте, после этого я бы что-то для него делала бесплатно! Пришлось. Меня отвязали и проводили к выходу в обмен на клятву, что я ему помогу. Я бы его, гада, удавила голыми руками, но сделка есть сделка и клятва есть клятва.

– И кто же этот неизвестный благодетель? – приподнял брови мэтр Истран. – Уж не сам ли наш общий знакомый собственной персоной?

– Ты о Макси? Нет, это был не он. Кто-то чужой. Он выглядел как подросток, но это очень, очень опасный человек... Впрочем, он и не совсем-то человек, насколько я поняла. Мне было по-настоящему страшно, а меня не так легко напугать.

– Тебе было страшно без причины или он чем-то конкретным угрожал на случай, если обманешь?

– А ты не слишком много вопросов задаешь? Ты мне, кстати, так и не сказал, что же ценного нашел в этом мистральице его величество Шеллар? Не может же быть, чтобы он ошибся так же, как Багги Дорс.

– Нет, конечно. Жаль тебя разочаровывать, но никаких интересов, кроме личных, в этом деле не имелось. Однажды этот молодой человек оказал королю неоценимую услугу, очутившись в нужное время в нужном месте, и вышло так, что его величество оказался обязан ему жизнью и короной. А он хорошо помнит как зло, так и добро. Кроме того, здесь замешана некая дама, к которой благоволят и король, и его супруга, а этой даме очень дорог упомянутый мистралиец. Вот тебе и все причины. Никакой политики, никакой коммерции. Все просто и по-человечески.

– Я тебе сказала больше, – надулась Джоана.

– Ну же, девочка, не обижайся. Я ведь не виноват, что мне больше нечего сказать по этому вопросу. Если хочешь, я расскажу еще кое-что полезное в обмен на информацию о загадочном мальчике из Лабиринта.

– А что именно?

– То, что тебе, несомненно, интересно. Почему ты так выглядишь и что с этим можно поделать.

– А ты знаешь?

– Знаю. Вероятно, ты и сама догадываешься, но боишься себе признаться. Так что?

– Хорошо. – Джоана нахмурилась, раздавила в пепельнице окурок и продула мундштук. Затем, помедлив, плеснула себе еще коньяка. – Да, ты верно догадался, он пригрозил найти меня, если обману. «Я приду в твой сон, – сказал он. – И никто не поручится, что ты после этого проснешься». И он действительно приходил. Случилось какое-то недоразумение, он почему-то решил, что его приятеля все-таки убили, и чуть не прикончил меня. Не знаю, каким чудом мне удалось его убедить, но он все же ушел, пообещав проверить точно и прийти снова, если я опять солгала. С тех пор я вообще боюсь спать.

– Не бойся, – посоветовал мэтр. – Он больше не придет. Это тебе бесплатно, а то на тебя смотреть жалко.

– Как ты можешь быть уверен?

– Он уже проверил и убедился, что ты его не обманула, что мистралиец жив и в безопасности. Значит, больше ты ему не нужна.

– А откуда ты это знаешь?

– Могу сказать, но опять же не даром.

– Но знаешь точно?

– Совершенно точно.

– Тогда я тебе верю. А теперь расскажи, что все-таки не то с моим возрастом?

– Ты ведь сама знаешь, это общеизвестный факт, маг выглядит таким, каким ощущает себя в душе. И помолодеешь ты тогда, когда перестанешь ощущать себя бабушкой. Из-за этого ты и выглядишь так. Бабушкой. Моложавой, ухоженной, хорошо сохранившейся, но все же бабушкой. Подумай об этом, а то я не берусь предположить, что будет, когда у господина Факстона вырастут внуки...

– Тебе легко говорить, – вздохнула Джоана. – Раздаешь полезные советы, а сам выглядишь на все свои четыреста.

– Так я выгляжу уже давно, – улыбнулся старик. – Но не потому, что моей правнучке уже восемьдесят. Мужчины не настолько подвержены влиянию родственных чувств, как женщины. Просто где-то после первой сотни я стал сознавать, что слишком долго жил и много видел. Это со всеми рано или поздно случается, вспомни Хирона, вспомни Силантия или покойного Хавьера...

– Так что, мне надо брать пример с Этель? Строить из себя малолетку не особо честных правил? У меня так не получится.

– Разумеется, не получится. Этель ничего из себя не строит, она такая и есть. И Ален тоже. Вечный непослушный ребенок или, если пожелаешь, вздорный подросток... Но с подобным характером надо родиться, а ты иная, и жить, как Этель, ты не сможешь... Да тебе это и не нужно. У Морриган ведь получается оставаться степенной достойной дамой и при этом молодо выглядеть.

– А как это у нее получается?

– Она приучила себя не думать, сколько ей лет, и постоянно сознавать себя молодой и привлекательной. Она научилась не воспринимать своих воспитанников как собственных детей или внуков, а избрала для себя роль как бы вечно молодой гувернантки. Так что все возможно. Работай над собой, найди для себя другой путь, другой образ, и у тебя тоже получится. Себя тоже нужно воспитывать, так же как королей... и президентов.

– Спасибо, – кивнула Джоана. – Я попробую.

– Тогда спокойной ночи.

Волшебница дождалась, когда растает серое облачко, и невесело усмехнулась тому месту, где только что стоял мэтр Истран.

– Все мы мастера умные советы давать, старый обманщик! Долго он жил, много видел, мудрость веков на него давит... Как же, поверю я тебе. Ты и сам себе не признаешься, дорогой коллега, что тебя, так же как и меня, старят твои мальчики, твои ненаглядные воспитанники, которые рождаются, живут и умирают у тебя на глазах. Они тебе даже не родные, но ты все же проживаешь жизнь с каждым из них, и с каждым умирает частица тебя. А мне пытаешься втолковать, что можно научиться не думать о собственных внуках и правнуках.

Но, впрочем, в одном ты прав, – заключила она, мельком взглянув на часы. – С правителями надо работать. Вот этим мы сейчас и займемся, а то завтра я забуду объяснить маленькому Зюси, что он допустил совершенно дурацкий промах. Нужно было сначала выслушать заманчивое предложение Багги, а уж потом отказываться. Отказаться никогда не поздно, зато знал бы, о чем этот авантюрист сейчас договаривается с нашими конкурентами.

Глава 2

Насколько я знал, наша семья всегда обладала особыми силами.

Р. Желязны

– Родственнички... – процедил сквозь зубы региональный координатор, изучая только что полученную почту. Дорогие родственнички с их шархийской немногословностью!

Два слова – «приезжай срочно». Ни причины, ни объяснения, ни даже уточнения, куда именно следует приезжать и когда это будет еще не поздно. Даже подписи нет.

Свой электронный адрес вместе с кодом доступа Макс Рельмо дал в свое время только кузену Дэну и тетушке Сибейн, хотя, разумеется, не должен был давать никому. Но Семья – на первом месте, а нарушать бесконечный список служебных правил и ограничений ему было не впервой. Собственно, из всех нарушений, совершенных им за тридцать семь лет «безупречной» службы, это было самым невинным. Даже при разоблачении тянуло лишь на небольшое дисциплинарное взыскание. Сушая мелочь по сравнению с той давней историей, когда он самым бессовестным образом добавил в базу данных родного агентства несуществующего сотрудника, чтобы у докторов не вызвал недоумения свалившийся с неба пациент без медицинской страховки и вообще без личного файла. Вот за то и уволить могли, и даже посадить. А разглашение адреса – это не страшно, зато удобно. Вдруг он кому-то понадобится или вдруг у кого-то из родственников появится полезная информация, а дядя Молари окажется или очень занят, или в трансе, или опять отправил свой дух гулять между мирами да людей пугать... И вообще мало ли что...

Он еще раз полюбовался на послание и решил, что автором этого шедевра красноречия является все-таки кузен Дэн. Тетушка Сибейн не страдала подобной неразговорчивостью, а вот у Дэна бывало под настроение. Кроме того, Дэн Рельмо, один из многочисленных двоюродных братьев регионального координатора, проживал в Твери, и к нему добираться было ближе, чем к тетушке на Бету с пересадкой. Именно через Дэна был найден и проинструктирован Толик, а срочное дело вполне могло быть связано с ним. Так что целью путешествия был избран кузен Дэн, хоть бы он был дома... в обоих смыслах...

Дэн был дома и на звонок ответил с такой скоростью, словно сидел у телефона и этого звонка ждал.

– Макс, – торопливо произнес он, едва услышав в динамике голос, – это я тебе писал. Приезжай ко мне, срочно. Ресс приехал. Хочет с тобой поговорить.

Би-ип! Все, поговорили. У Дэна краткое деловое настроение, думайте что хотите. Трудно было сказать что-то поточнее? Или действительно... не телефонный разговор?

Рельмо с некоторым раздражением сложил телефон и сунул в карман, мысленно продолжая костерить немногословного кузена. Можно подумать, все так секретно! Можно подумать, Ресс нелегально приехал! Что могло такого случиться? Доездили наконец да сбил кого-то? Или просто попался с чужими правами?

Ресс Рельмо был слепым от рождения, из-за чего всю свою жизнь вел бесконечный бой с дорожными полициями двух миров. Несмотря на все его уверения, что посвященному второго круга не нужны глаза, чтобы видеть, куда едет, ни на Альфе, ни на Бете ему категорически не разрешали даже сдавать на права. А поскольку водил он вполне уверенно, то в случае надобности одалживал документы у своих зрячих кузенов, достаточно похожих на него, чтобы не вызывать подозрений у полицейских. Макс тоже неоднократно давал Рессу свои водительские права вместе с машиной, которой сам почти не пользовался, так как редко бывал в родных мирах. Поэтому первая мысль, которая пришла ему в голову, была именно о возможных неприятностях в этой области. Разборки с дорожной полицией были бы очень некстати именно сейчас, но из всех вероятных зол это все-таки меньшее. А то что-то нехорошие

предчувствия в последнее время появились...

Скоростной трамвай за четыре минуты домчал Макса Рельмо на другой конец города. Еще семь минут спустя он нажимал звонок домофона, рассматривая стоящую у подъезда собственную машину. Ни царапин, ни вмятин заметно не было, но само ее присутствие наводило на размышления. Если Ресс прибыл на его машине, значит, он был у него дома. Чтобы попасть к Дэну, не нужно было сначала заходить к Макс, брать машину и ехать полтора часа до Твери. Можно было спокойно выйти в той же кабине, через которую только что прибыл он сам, и добраться за четыре минуты на трамвае. Следовательно, Рессу нужен был именно Макс, и к Дэну ясновидящий кузен явился только затем, чтобы Дэн помог с поисками. Что же такого могло случиться?

Судя по физиономиям обоих кузенов, не случилось вообще ничего такого, из-за чего стоило перегружать казенные линии связи. Господа сидели спокойно на полу и коротали время игрой в воображаемые мячики. Постороннему наблюдателю зрелище показалось бы достойным самой образцовой психушки. И ее сотрудники, всерьез считающие Дэна коллегой, тут же переменили бы свое мнение, переводя его в разряд пациентов.

Дэн Рельмо относился к тому типу людей, о которых говорят «маленькая собачка – до старости щенки». Вечный мальчишка в своих неизменных джинсах и свитере непременно размера на три больше, чем следует, с неугасающим детским азартом в глазах и врожденным шилом в заднице. Таких не делают солидными ни седина, ни внуки, ни ученые степени, ни толпы благодарных пациентов. Впрочем, внуков у Дэна пока не было, но если появятся, можно не сомневаться, что дедушка окончательно впадет в детство и играть с ними будет на равных.

В настоящий момент Дэн проигрывал с разгромным счетом, явно нервничал, и его мячик воображался все хуже и неувереннее. Ресс сидел спиной к двери, но Рельмо и так прекрасно знал, как выглядит сейчас его слепой кузен. Величественный лик мудреца, застывший неподвижно, как обычно в моменты сосредоточенности. Традиционный наряд шархийского мага, совершенно не вписывающийся в европейский интерьер Дэновой квартиры. И при всем этом – какие-нибудь декоративные контактные линзы, за которыми Ресс предпочитал прятать мертвый взгляд, вечно устремленный непонятно куда. Что забавно, линзы он подбирал таких диких расцветок, что было проще испугаться их, чем его настоящих глаз. То ли он не видит, что берет, то ли специально, чтобы

эпатировать зрячих окружающих...

Словом, старые хрычи, а ведут себя как дети малые!

– Здравствуй, Макс, – произнес Ресс, не оборачиваясь, и его мячик тут же растворился в воздухе.

– Сам ты старый хрыч, – вслух ответил Дэн вместо приветствия. С этими стихийными телепатами проблем больше, чем с обычными, – никогда не знаешь, в какой момент и какую твою мысль они поймают! – Ты старше меня!

– Вот именно, – заметил региональный координатор, усаживаясь на ковер.

– Что так долго? – не унимался младшенький, внезапно сделавшись разговорчивым. – Мы тут уже два часа сидим! Даму не мог отпустить непомятой?

– Могут у меня быть неотложные служебные дела? – как можно серьезнее попытался намекнуть Рельмо, чтобы не вступать в дурацкий спор. Ссориться с Дэном сейчас было некстати. Сейчас было кстати выражать кузену Дэну всяческие благодарности, заверять в своем вечном к нему почтении и склоняться перед ним, трижды касаясь лбом ковра у его тапочек... тридцать девятого размера... – Или вы думаете, я на работе тоже в мячики играю?

– Ага. С Толиком, – усмехнулся Дэн. Противная мелюзга! Даже если я тебе должен по гроб жизни, неужели это дает тебе право ТАК шутить?

– С Толиком невозможно играть, – заметил Ресс с таким потрясающим равнодушием, словно не понял язвительного замечания кузена. Или не знал о некоторых издержках эльфийского воспитания, из-за которых на Толика косо посматривали и люди, и шархи. – Он никогда не соблюдает правила, его шарики вечно получают то с лапками, то с крылышками, сходят с траектории, иногда кусаются.

Он наконец повернулся лицом к собеседнику, и Макс невольно улыбнулся. На этот раз кузен напялил ярко-желтые линзы с фиолетовыми звездами. Как его нигде шпунтики на трассе не остановили! У любого нормального человека при виде этих линз возник бы вопрос: что вообще может видеть сквозь них

владелец?

– Что случилось? – спросил региональный координатор, надеясь, что, когда речь пойдет о деле, Дэн прекратит наконец говорить гадости. – Зачем вы меня искали?

– Помнишь, время от времени ты приносил мне различные вещи и просил узнать что-либо об их владельцах, – неторопливо начал объяснять Ресс, одновременно вынимая из вышитого мешочка эти самые вещи и раскладывая их на ковре в порядке, понятном ему одному. Макс молча кивнул. Конечно, помнит, как же не помнить. Вот, к примеру, шпилька мэтрессы Морриган, которую он лично выпросил якобы на память. Обрывок книжной страницы, добытый путем примитивного мародерства с убитого «небесного всадника». Испорченная заготовка для браслета-амулета, вынутая тайком из мусорной корзины уважаемого коллеги Истрана. Бесценные презенты зловредной Стеллы – два трудно узнаваемых куска металла в пятнах давно засохшей крови: обломок разрезанного панциря принца-бастрада Элмара и исторический наконечник той самой стрелы, которая чуть не оставила Ортан без короля. Доктор прихватила этот «артефакт» в своей обычной беспардонной манере, без всяких объяснений. Помнится, к нему еще прилагалась целая пробирка свеженькой королевской крови, об анализе которой не первый год мечтал любопытный Макс. Как ворчали и бранились бедные лаборанты, которых жестокий начальник заставил трудиться среди ночи! Зато теперь достоверно подтверждено, что слухи о загадочном гноме, подпортившем генофонд лондрийских королей, есть неоспоримая правда...

– Вчера я прибирался в своих вещах, – с неторопливым спокойствием высшего посвященного продолжал Ресс, – и случайно, просто запустив руку в шкатулку, сжал в горсти эти предметы одновременно. Получилось нечто странное...

– А это что? – уточнил Макс, указывая на шестой предмет. Эту примитивную неровную монету он точно видел впервые и Рессу не приносил.

– Я не очень помню, кажется, эту вещицу привез мне Дэн с Каппы, и я не имею понятия, как она попала не в свою шкатулку.

– Это каппийская монета, и привез ее не я, а Витька, – перебил его Дэн. – Я помню. Ты еще сказал, что ее надо спрятать, что она какая-то нехорошая.

Рассказывай уже, не видишь – Макс весь издергался. Что ты там увидел?

– Серая тень восстала из монеты, – без возражений и без долгих вступлений начал Ресс. Нет чтоб уж сразу и толковать между делом, неужели он думает, что его цветовые аллегории могут быть понятны людям, видящим глазами! – Накрыла тень все видимое пространство, и засветились в тени два огня, кажется, синий и красный. Синий направил свой свет на шпильку, а красный – на наконечник. Из шпильки же потянулись нити света к наконечнику, замкнув треугольник, и на металле выступила кровь. И услышал я крик, словно много людей одновременно взвыли от боли и отчаяния, и взметнулся силуэт человека над окровавленным куском железа, взвился и опал, рассыпавшись прахом. Тогда распался треугольник, исчезли светящиеся нити, а шпилька ожила, обернувшись змеей. И покатился к ней браслет, а она покатилась к нему, свернувшись кольцом, и, встретившись, обвила его, после чего стали они множиться на глазах, образуя цепь, в которой серебряное звено чередовалось с черным... Здравствуй, Толик.

Оба зрячих слушателя, удивленные странной концовкой, тут же завертели головами и, разумеется, никакого Толика не обнаружили. Дэн сообразил первым и потребовал появиться немедленно, напомнив, что шлаться невидимым и подслушивать разговоры старших – дурной тон. Как будто Толик хоть когда-нибудь заботился о собственных манерах и соблюдал правила хорошего тона!

– Вот уж, промолчать не мог! – засмеялся Толик, касаясь плеча Дэна, чтобы избавиться от бесполезной уже невидимости. – Я хотел послушать, никому не мешая. А теперь эти вредные деды будут на меня дуться и перебивать на каждом слове. А то еще и выгнать попробуют.

Региональному координатору очень хотелось послать оливкового нахала послушать что-нибудь другое в одно знаменитое место, но пришлось сдержаться. Ведь еще не успел поблагодарить за последнюю услугу...

– Вы мне лучше скажите, мудрые старцы, – продолжил нахал, удобно размещая свою толстую задницу на подлокотнике ближайшего кресла, – откуда мой дядя знает, что у вас тут намечается какой-то важный разговор?

– Вот у дяди и спроси, – посоветовал Дэн. – Это он тебя послал?

– Нет, это я сам себя невидимым сделал! Конечно, он. Так что не пытайтесь меня выгнать.

– А стоило бы, – все-таки не сдержался Макс. – А если твоему дяде так интересно, пусть официально обращается к нашему дяде.

– Макс, не надо, – мягко перебил его Ресс. – Я рассказал отцу обо всем, что увидел, и он наверняка поделился с эльфами. Он же вроде как дружит со Светлым. И тебя позвать тоже он посоветовал.

Дэн насмешливо посмотрел на Толика снизу вверх и сообщил:

– Мне иногда вообще непонятно, как мыслит твой дядя. Если он знал, что здесь будет Ресс, на кой сдалась ему эта невидимость?

– А невидимость и не для вас делалась. Мне надо было еще в одно место смотаться. Раз уж мне дали ориентиры Дельты, дядя велел посмотреть, что там делает Хоулиан, как себя ведет и не позорит ли свой род чем-нибудь предосудительным. Наивный старикан думал, что я приятеля сдам! Да пусть они там хоть всех насмерть опозорит, не фиг из меня стукача делать! А чтобы моя зеленая физиономия не вызвала паники на Дельте, дядя наложил на меня невидимость. Вы не отвлекайтесь, продолжайте. Ты там про цепь начал.

– Цепь очертила границы тени, и в таком положении они остались. Тень не могла распространиться за пределы границы, а цепь остановилась, не в силах продвинуться дальше. Огни же погасли. Вот такое странное видение. По твоей реакции, Макс, я вижу, что все случившееся очень плохо. Мне тоже так показалось, я и решил проверить, что в этом случае можно сделать. Знаешь, как Дэн гадает: если клиента не устраивает результат, меняет исходные данные и бросает кости заново.

– Не только я, – недовольно поправил его Дэн. – Так испокон веков принято. Все так делают, и дядя Молари гадает точно так же. И потом результат напрямую зависит от исходных.

– Хорошо, это не столь важно. Я никогда не гадал на костях, возможно, и не знаю каких-то тонкостей. Итак, я решил поэкспериментировать с разными наборами предметов, у меня там их в этой шкатулке полно. Тень из монеты

появляется в любом случае, но взаимодействовать с другими предметами может только в сочетании с обрывком бумаги. Только тогда загораются два огня и их лучи тянутся к другим предметам. Общей тенденцией является противостояние этих двух сил всем остальным.

– А результаты? – напряженно уточнил региональный координатор, не замечая, как его бедная коса уверенно превращается в мочалку.

– В лучшем случае тень удастся ограничить, как это было в первом видении. В остальных случаях она накрывает собой все видимое пространство, от нее веет холодом и смертью. Нехорошее чувство остается после таких видений.

– Хоть какой-то более или менее оптимистический прогноз есть? Или максимум, что можно сделать, – это ограничить?

– Есть, – невозмутимо кивнул Ресс. – Только один, и довольно странный. Если присоединить ко всему набору еще один предмет, который тридцать лет провалялся на самом дне шкатулки. Он меняет ход событий в самом начале, разрывая треугольник, и тогда каждый предмет начинает действовать иначе. Наконечник превращается в паука и оплетает своей паутиной синий и красный огни. Осколок брони становится вихрем небольших, но очень острых лезвий и, налетев на тень, рвет ее в клочья. Цепь сжимает границу тени до маленького пульсирующего сгустка, однако полностью уничтожить тень не удастся и в этом случае. Она бессмертна.

– А что за предмет? – торопливо уточнил Макс, быстро прикидывая, что сто раз он был прав насчет Шеллара. Любопытный умник действительно нужен этому бестолковому миру, и надо срочно что-то делать, иначе действительно убьют и последствия будут катастрофическими.

– Вот. – На раскрытой ладони кузена Ресса лежала прядь мягких детских волос, связанных традиционным магическим узлом от сглаза. – Не узнаешь? Ты же сам мне это принес.

– Не помню.

– Твой сын, Макс, – тихо подсказал Дэн. Очень тихо, словно ожидал от темпераментного кузена фейерверка непотребной ругани и крушения мебели в

беспредельном отчаянии.

– Нет, – прошипел региональный координатор, сжимая в кулаке растрепанную косу. – Не дам. Да пусть хоть весь этот мир... Тьфу, Толик, зараза, что это за дерьмо!..

– Это не дерьмо, всего лишь чертополох. Извини, Макс, – довольно формально и совершенно серьезно сообщил поганец Толик, наблюдая, как почтенный мэтр отплевывается и шипит, словно кошка, укусившая ежа. – Ты должен думать, что говоришь. Сам ведь знаешь, у тебя не только глаз дурной. Ты вспомни, сколько раз твой язык...

Региональный координатор прекратил плевать и выдал несколько сложноподчиненных предложений, не оставлявших сомнений в том, кто был первым наставником маленького Кантора в области нецензурной ругани. А также посулил поганцу Толику, что когда-нибудь его все-таки заловят и примерно накажут за нарушение подписки о неприменении магии.

– Уж лучше так, – хмыкнул эльф. – Не хватало, чтобы ты целый мир сглазил!

– Макс, ты напрасно разволновался, – добавил невозмутимый Ресс. – Разве я сказал, что с твоим сыном что-то случится? Он вовсе не должен стать жертвой. Его место в дальнейшем раскладе не совсем ясно, но только потому, что не хватает еще какой-то составляющей.

– Надо было сразу сказать, – наставительно изрек Дэн. – И мир бы уцелел, и Макса бы не накормили чертополохом. Макс, ты «Винни-Пуха» читал?

– Я читал! – жизнерадостно возгласил Толик. – И я очень надеялся, что Макс будет бегать кругами с высунутым языком... Ой! Макс, перестань! Я же хотел как лучше! Прекрати, а то призову стадо ежей, закаешься насылать мигрень на благодетелей! Ничего себе награда за спасение мира!

На том и закончился серьезный разговор, ибо в присутствии Толика серьезные разговоры никогда не длились более пяти минут. И началось безобразие, ибо способность Толика провоцировать безобразия везде, где бы он ни появился, была столь же знаменита, как дурной глаз Макса Рельмо. Сострадательный Ресс попытался снять насланную мигрень, Макс спешно колдовал себе иммунитет от

ожогов крапивы, попутно сожалея во всеуслышание, что не умеет насылать еще геморрой и импотенцию, по комнате гулко топали обещанные ежики, Дэн грозился всех побить, выгнать вон и заодно вызвать психбригаду...

Неудивительно, что Дэнова сопливая дочурка, которую угораздило припереться из школы как раз в разгар всего этого безобразия, полюбовалась на почтенных мэтров, как на безнадежных идиотов, и, в отличие от воспитанного дяди Макса, немедленно сказала то, что подумала:

– Старые хрычи, а ведете себя как дети малые!

Жизнь продолжалась, несмотря ни на что. Она, зараза такая, всегда продолжается, что бы ни случилось. Какие бы ни произошли события, радостные, трагические, кошмарные, все заканчивается... а жизнь продолжается. Плавная, могучая и неповоротливая река бытия не останавливается даже в великие моменты, потрясающие все человечество. Что уж говорить о такой мелочи, как товарищ Кантор, а также его любовь и ненависть, стремления и надежды, потери и комплексы... А еще припаленная спина и безумные сны, ну откуда они берутся, эти сны проклятые!

Словом, все проходит, и события прошедших дней так же сотрутся и забудутся, смятые повседневной суетностью человеческого существования.

Примерно такими мыслями встретил Кантор первый вечер лета, лежа на полу в библиотеке и созерцая надвигающиеся сумерки за окном. Зализывать раны и отходить от потрясений ему было не впервой, и относился он к этому процессу, как подобает воину. То есть сознавал, что очередная неприятность завершилась, а жизнь продолжается, и терпеливо ждал, когда неумолимое время покончит с последствиями упомянутой неприятности. О том, что выздоровление – процесс долгий и постепенный, он прекрасно знал на собственном богатом опыте, но столь же точно он знал, что сей процесс никогда не затягивается навечно.

Подниматься и ходить у Кантора получалось пока с большим трудом, однако валяться в постели он наотрез отказался. Во-первых, потому, что вообще не любил болеть, а во-вторых, находиться постоянно в комнате, где его посещали кошмары, видения и всякие мертвые короли, было неприятно. Гораздо приятнее было растянуться на мохнатом ковре в библиотеке, уложив голову на колени

Ольге, и болтать о чем-нибудь глупом и неважном под мелодичное звучание музыкальных кристаллов, слушать ее сказки или просто дурачиться, обмениваясь шутками, зачастую совершенно безумными, вроде той девочки с водопроводным краном.

Иногда это помогало забыться, и на какое-то время даже сны тускнели и стирались из памяти, и Кантору начинало казаться, что жизнь действительно не настолько паскудна, как он привык считать. Но длилось это недолго. Недобрые мысли, с садистским упорством сверлившие мозги несчастного мистралийца, надолго не отлучались. И самой противной из них, вызывавшей у Кантора бессильную злость на весь белый свет, был незатейливый житейский вопрос: что дальше?

И Кантор, и его внутренний голос отвергали этот вопрос с редкостным единодушием. Но чем лучше становилось их общее самочувствие, тем наглее и упрямее врывается в их мысли проклятый вопрос, порожденный все тем же неумолимым течением жизни. И недалек был тот день, когда вопрос станет насущным и потребует немедленного ответа.

Кантор оттягивал этот день, как только мог. Даже самому себе он не решался признаться, что этот день, скорей всего, будет днем окончательного прощания с удивительно неправильной девушкой, которая перевернула вверх тормашками его жизнь, и до того не отличавшуюся устроенностью и упорядоченностью...

В тот первый день лета они оставались практически одни в доме, если не считать слуг. Элмар с утра пропадал во дворце – видимо, выяснял отношения с очередным вороватым казначеем и наводил трепет на остальных подданных. Тереза еще не вернулась с работы, Жак руководил ремонтом в своей разгромленной гостиной, которая была уже отмыта и больше его не пугала. Несравненная Азиль почему-то не показывалась – может быть, не хотела нарушать их уединение? Никакие гости не появлялись, за исключением Стеллы, которая забежала ненадолго, сменила повязки и убежала, даже не нахамив ни разу.

Словом, Кантор и Ольга были предоставлены сами себе и использовали уединение в свое удовольствие. Во всяком случае, Кантор именно так воспринимал это валяние на ковре и откровенно наслаждался покоем, музыкой и тихой лаской, окружавшей его. И в который раз отгонял непрощенные мысли о том, что это счастье не продлится долго. Максимум до вечера. А вечер

приближался неотвратно, как судьба. Вечер означал возвращение в свою комнату, фальшиво-натянутое «спокойной ночи» Ольге и очередную порцию кошмарных снов. Наблюдая, как за окном сгущаются сумерки, Кантор с тоской предчувствовал, что ему предстоит в ближайшее время, и от этого настроение портилось стремительно, как молоко на солнцепеке. Опять все сначала. Опять всю ночь он будет носиться по каким-то переулкам, кого-то безуспешно догонять, искать Ольгу и не находить, пытаться спасти и не успевать, слышать ее крик и не иметь возможности до нее добраться, беспомощно смотреть, как ее убивают... Биться в стены, рваться в оковах, умирать от ужаса... И потом просыпаться с мокрым лицом и трясущимися руками, материться шепотом в подушку от бессильной злости на самого себя и переругиваться с внутренним голосом, который сочувствует и раздает полезные советы. Кретин озабоченный! Не спать одному, тащить в постель Ольгу, чтоб не так страшно было? Еще и ее перепугать насмерть, вот будет красота! И опозориться заодно, чтобы Ольга увидела, в каком состоянии он просыпается, и приняла его за какого-то слабонервного труса вроде Жака!.. Не дожدهшься! Нашел тоже бедненького зайчика! Заведи себе отдельное тело и спи тогда, с кем хочешь!

Внутренний голос ухмыльнулся.

«Не разбрасывайся словами, – сказал он. – Я ведь захочу с Ольгой, и что мы будем делать, если нас станет двое?»

«Вот тогда я тебя наконец прикончу», – злорадно огрызнулся Кантор.

«Какой ты зайчик, – печально вздохнул внутренний голос. – Ты злобная кусачая шавка. Меня называешь озабоченным, а сам?»

Лучшим ответом на последнее замечание было бы съездить по морде, но гадский голос имел одно вопиюще несправедливое преимущество, которым бесстыже пользовался. У него не было морды. Зато у Кантора она была, и в течение этого коротенького разговора в ней, видимо, произошли какие-то изменения, встревожившие Ольгу.

– Что? – тут же засуетилась девушка, ласково поглаживая бедненького зайчика (он же злобная кусачая шавка) по головке... Как с ребенком, честное слово! Еще немного, и слуги смеяться начнут! А сказать как-то неловко...

– Ничего. – Кантор приподнял голову и сделал невинные глаза. – Тебе что-то показалось?

– Просто ты молчишь и о чем-то таком думаешь...

– О каком?

– Тебе лучше знать. Когда ты об этом думаешь, у тебя лицо делается злое и сердитое.

– Это плохо, – вслух заметил Кантор.

– Чего ж хорошего...

– Нет, плохо, что по моему лицу видно, о чем я думаю... – Это действительно было хуже некуда. Кантор всегда славился способностью держать лицо при любых обстоятельствах. Может, не так безупречно, как король, но среди товарищей-мистралийцев он в этом отношении был лучшим. И на тебе – юная девица читает мысли по его физиономии, как если бы сия физиономия была красочной вывеской огромными рунами... – Не обращай внимания. Мало ли что может прийти в голову.

Как бы в подтверждение того, что голова у товарища Кантора полностью дурная, в нее тут же пришла непрошенная мысль. А не послушаться ли и в самом деле совета внутреннего голоса? Хоть разок, для проверки – вдруг он прав? Он, конечно, полный придурок, голос этот, но Азиль ведь то же самое советовала, а она плохого не посоветует... И, помнится, когда ему случалось задремать в таком же положении, как сейчас, на этом ковре, под заунывное загробное пение очередного безголосого барда, уложив голову на колени Ольге, ему действительно ничего такого не снилось. И когда он позорно заснул за ужином на диване, рядом с ней, тоже спалось прекрасно. Не от водки же! Только ведь предложи – поймет неправильно, озабоченным посчитает... Хорошо если откажется, а если согласится... и будет ждать от него определенных действий... а ему сейчас как-то не до того... Придется простыми словами доступно объяснять, и получится позорище редкостное!

– Если все время молчать и думать, в голову обязательно будет приходить что-нибудь подобное, – рассудительно сказала Ольга. – Надо чем-нибудь отвлечься.

«А то я сам не знаю», – подумал Кантор, но вслух этого говорить не стал.

– Расскажи мне сказку, – попросил он, поудобнее устраивая голову у нее на коленях.

– Опять я? – вздохнула Ольга. – Всегда я рассказываю... А ты молчишь.

– А что могу рассказать я? – вздохнул Кантор. – Что-то вроде того, о чем я думаю, когда молчу? Чтобы и тебе о том же думалось? Совсем не хочется...

– Я понимаю, – согласилась Ольга. – Помнится, Костик тоже никогда не рассказывал про Афган... Но необязательно же об этом. Я вот тебе сказки рассказываю, а ты что, ни одной не знаешь?

– Знаю. Но ты их можешь в любой момент взять в королевской библиотеке и прочесть в оригинале. А твои сказки – из другого мира, и, кроме тебя, мне их никто не расскажет. Или тебе все уже надоело с этими сказками?

– Да нет, мне не жалко. Но все слушатели мне тоже что-нибудь рассказывают. Элмар – красивые старинные легенды, король – ментовские байки, Азиль – про разных интересных людей, с которыми она встречалась, Жак – последние сплетни и приколы из придворной жизни, он каким-то образом всегда их знает. А ты всегда молчишь. Вот ты говорил, что был большим любителем музыки и даже знал лично многих выдающихся бардов. Хоть про бардов расскажи. Ты, наверное, и с моим «мертвым супругом» был знаком, раз в курсе даже, как он Плаксу за плагиат лупил...

– Был. Но никакого желания об этом вспоминать.

– Почему? Вы с ним ссорились или опять ревнуешь?

– Нет, просто история получится очень и очень печальная. Не хочу. Пусть Азиль рассказывает, у нее весело выходит.

– Ладно, – вздохнула Ольга. – Только пойдем тогда в спальню, а то ты опять тут и уснешь, как в тот раз. Ляжешь в постель, выключим свет, и я расскажу тебе про медвежонка Винни-Пуха.

– В постель пойдем после ужина, – возразил Кантор, опасаясь, что его затея поспать в библиотеке сейчас накроется кое-чем... э-э... приятным во всех остальных отношениях, но не в данном случае. – А пока давай поваляемся здесь.

– Почему? Тебе так нравится спать на полу?

– Не на полу, а на ковре. И не спать, а валяться. Нравится мне здесь, и все, – уперся Кантор, надеясь, что Ольга не станет слишком уж настаивать. И еще он очень надеялся, что на этот раз сказка будет не для детей дошкольного возраста. А то Ольга, которая в последнее время тщательно избегала всяческого насилия в сказках, истощала более или менее взрослые сюжеты и перешла на откровенно детские, хотя Кантор ее уже не просил, чтобы сказки были не страшными. Что самое смешное, опознать по названию, о чем пойдет речь, было практически невозможно, поскольку все названия имели какое-то наизнанку вывернутое значение. К примеру, крокодил Гена оказался вовсе не хищным зверем, а добропорядочным горожанином с повадками рассеянного чудаковатого алхимика. Муми-тролли ничего общего с троллями не имели, и было совсем непонятно, за что этих милых зверюшек так обозвали. Зато внешне безобидная сказка о мальчике, который жил в деревне с котом и собакой, оставила у Кантора очень неприятный осадок. Видимо, из-за противного кота с его голдианскими замашками. Чего ожидать от обещанной сказки про медвежонка, Кантор так и не смог предположить, хотя варварское имечко оставляло некоторую надежду, что медвежонок не плюшевый.

– Да нет, так не пойдет, – возразила Ольга. – Заснешь на полу, что с тобой потом делать? Пойдем лучше в комнату. Почему ты так не хочешь туда идти? Что-то не так?

Объяснять ей, что именно не так, было сложно, и у Кантора не было ни сил, ни желания напрягать мозги, чтобы облечь это «не так» в понятную словесную форму.

– Я не буду спать здесь, – пообещал он. – Дождусь ужина и спать пойду наверх.

Затем набрался смелости и добавил:

– А ты не хочешь составить мне компанию?

– Посидеть с тобой, пока ты не уснешь? – с готовностью уточнила она, заботливо расправляя его спутанные волосы. – Конечно.

– Ну вот... Я усну, а ты уйдешь. Мне там скучно одному. Почему, собственно, мы стали спать врозь?

Ольга тихо вздохнула:

– Вспомни четверг и не задавай глупых вопросов.

– Но четверг давно прошел! Я уже... вполне ничего...

– Что, настолько? Ой, не знаю, тебе же на спину лечь нельзя...

Так и есть! Спасибо хоть озабоченным не назвала!

– Да какая разница – настолько или не настолько? Я не это имел в виду! Помнишь, что сказала Азиль? Что так будет лучше. А ей стоит доверять в таких вопросах...

– Но чем же это может быть лучше? – растерялась Ольга. – Я не нимфа, никаких целебных свойств у меня нет. Зато я жутко ворочаюсь и пинаюсь во сне и могу нечаянно заехать тебе по какому-нибудь больному месту, тем более что они у тебя повсюду. Нет, мне не жалко, если ты хочешь... но я боюсь сделать тебе больно.

– Не бойся, – Кантор со вздохом потерся щекой о ее колено, – это не страшно. Я повернусь к тебе лицом, и до спины ты не достанешь. А все остальное не так уж сильно болит.

– Ты и так плохо спишь, – жалобно задрала брови Ольга. – А тут еще я буду мешать...

– Наоборот, так будет лучше... Во всяком случае, я надеюсь, что будет. По крайней мере, проверим, насколько права несравненная Азиль. А с чего ты взяла, что я плохо сплю?

И надо ему было спрашивать... Честная Ольга сочувственно похлопала глазками и очень тихо призналась:

– Так ведь слышно. Ты когда кричишь во сне, на весь дом слышно. Элмар запретил к тебе заходить, вот никто и не прибегает.

«Элмар умница», – печально подумал Кантор.

«А ты – болван», – добавил внутренний голос.

Заводить с ним спор не было времени.

– Пойдем наверх, – напомнила Ольга.

– А ты останешься со мной?

– Останусь.

«Женщины... – мимоходом подумал Кантор, обнимая ее здоровой рукой. – Как с вами все-таки просто... Стоит лишь сделать так, чтобы вам стало нас жалко, и вас на что угодно можно уговорить».

– А ужин? – напомнил он, приступая к поэтапной процедуре перевода своего брэнного тела в вертикальное положение. Встать на ноги без посторонней помощи было еще тяжело, и для этого приходилось цепляться за какую-нибудь опору, в данном случае за Ольгу. Затем еще с минуту стоять, крепко держась за ближайший предмет мебели или опять же за Ольгу, и ждать, пока не пройдет головокружение. А потом уже ковылять, опираясь о ее плечо, через гостиную и вверх по лестнице. С Элмаром было проще – он одним движением взваливал пострадавшего на плечо и, не напрягаясь, в считанные секунды дотаскивал до постели. Но сегодня Элмара еще не было, так что добираться предстояло самостоятельно.

– Тогда давай посидим в гостиной и дождемся ужина. Скоро Элмар должен вернуться.

Можно и так. Хотя какая разница – в гостиной сидеть или в библиотеке? Эти женщины...

Что ж... сначала встать... осторожно подняться на четвереньки, затем так же осторожно выпрямиться и уцепиться за кресло... потом опереться на здоровую ногу и встать... Проклятье, хоть бы не упасть... И как это у него так лихо получилось самостоятельно выползти на лестницу и запустить в Пассионарию палкой, да еще и попасть при этом? Со злости, не иначе...

От этих невеселых размышлений Кантора отвлек радостный взвизг Ольги. Он обернулся, подумав, что вернулся домой его величество Элмар, и тут же поспешно вцепился в кресло, поскольку от увиденного все поплыло перед глазами. У книжной полки стоял Шеллар III, такой же, как в пятницу, совсем как живой, только не в тунике, а в просторной белой рубашке без камзола.

– Нет-нет, – торопливо проговорил гость, предостерегающе вытягивая перед собой руки, поскольку Ольга по привычке собралась повиснуть у него на шее. – Только не обниматься.

– Ой... – сконфуженно остановилась Ольга и растерянно опустила руки, не зная, куда их девать. – Извините, я забыла... Еще болит?

– Не так, как вчера, но обниматься пока нежелательно, – улыбнулся король, дружески похлопал ее по плечу и обратил свой взор на Кантора. – А у тебя как дела? Мне рассказывали, ты уже самостоятельно бросаешься костылями? Да что ты на меня так смотришь, словно в первый раз видишь? Ну снял я камзол, что тут такого?

– Сегодня понедельник... – неуверенно выговорил Кантор, из последних сил сжимая спинку кресла, чтобы как-то удержаться на подгибающихся ногах.

– Верно, понедельник, – согласился его величество. – Последний раз мы с тобой виделись в пятницу. Что с тобой? Тебе помочь?

– Не пятница... – простонал Кантор, чувствуя, что опора выскальзывает из непослушных пальцев, в глазах темнеет и становится совершенно непонятно, что происходит и что надо говорить. – Понедельник...

– Дался тебе этот понедельник! – с досадой воскликнул король и, шагнув вперед, быстро подхватил его под локоть. – Ольга, куда его? Может, наверх отнести?

– На ковер положите, – посоветовала Ольга. – У него голова кружится, когда он встает.

– О, помню, – согласился король, аккуратно опуская Кантора на пол. – Отвратительное ощущение. А почему он в таком случае не лежит в постели, а путешествует по дому?

– А вы сами больно-то лежали? Вот и он не хочет. Предпочитает валяться на ковре в библиотеке.

– Между прочим, очень здравая и толковая мысль. Может, и мне завалиться рядом? Мы будем очаровательно смотреться вместе, два потерпевших с палеными спинами... Кантор, ты как? Тебе плохо? Скажи что-нибудь, если ты в сознании. Как себя чувствуешь?

«Полным идиотом», – чуть не сказал вслух Кантор, до которого только сейчас дошло, что рука, подхватившая его, была абсолютно материальна и ни о каких призраках не могло быть и речи.

– Да ничего... – отозвался он, не поднимая головы, пока не прекратится мерзкое мельтешение и круги перед глазами. – У меня бывает... Да сами знаете... Сейчас пройдет.

– Может, ему что-то выпить дать? – предположил король, обращаясь к Ольге. – Мне помогало.

– Ой, не надо, – спохватилась та. – Мы ему вчера дали совсем чуть-чуть, так его моментально развезло и он уснул посреди разговора. А вы что-нибудь будете? Я сбегая на кухню и... – Она запнулась. – И попрошу подать...

– Так я и поверил! – засмеялся Шеллар. – Ведь наверняка постесняешься беспокоить слуг и полезешь по шкафам сама. Не надо, лучше скажи, чтобы готовились подавать ужин. Вот-вот появятся Элмар и Кира, а голодный Элмар, сама знаешь, невыносим в общении, поэтому чем скорее его накормят, тем

лучше. Мы сегодня поужинаем у вас, и я расскажу вам кое-что необыкновенное.

– Про дракона? – загорелась Ольга.

– Именно. Беги, а я пока побуду здесь и, если понадобится, помогу Кантору дойти до гостинной.

Ольга, как подобает добропорядочной подданной, направилась в указанном направлении. А король уселся на ковер и тут же поинтересовался:

– Кантор, ты как?

– Нормально, – отозвался мистралиец, поворачивая голову, чтобы видеть собеседника. – Уже прошло. Не обращайтесь внимания.

– Ну и хорошо, а то я уже испугался, что ты сейчас со всего маху хлопнешься головой о пол, а у тебя и так с ней не все в порядке. С чего тебя вдруг волнуют дни недели? Проверяешь, не сбился ли опять со счета? И почему, хотел бы я знать, ты все время смотришь на меня как на восставшего из гроба покойника, разговариваешь с таким почтительным сочувствием и даже не нахамил ни разу? Даже если до тебя дошли слухи о моей безвременной кончине, их давно должны были опровергнуть. Ты достаточно много общался с людьми, посвященными во все подробности этой истории, да и со мной тоже...

– Да нет, слухи до меня не доходили... – соврал Кантор, опуская глаза. – Просто вы так изменились... и это странно... и необычно. А что с вами случилось, что пошли подобные слухи? Вы правда пытались застрелиться?

Король издал невеселый смешок и заворочался, добывая из кармана трубку.

– Предсказаниям не следует верить безоговорочно. Их следует анализировать, изучать и искать правильные способы ими пользоваться. Тем более что дела практически никогда не идут в точности как предсказано. Я расскажу тебе подробнее, но позже, когда ты будешь в состоянии для нормальной беседы за бутылкой и не будешь засыпать на полуслове, как вчера. Потерпишь до тех пор?

– Ну и ладно. Я у Ольги спрошу.

– Можешь, конечно, спросить. Но Ольга знает только то, что положено знать моим подданным. К тому же, как всякий бард, она изложит события преувеличенно романтично и возвышенно.

– Тогда я у Жака спрошу.

– Попробуй, – усмехнулся король и снова заворочался, на этот раз в поисках спичек. – Интересно, что он тебе скажет.

– А в чем подвох? Вы что, взяли с него слово молчать?

– Да с чего бы я стал требовать с него слово, тем более его слову грош цена. Он сам побоится сказать тебе лишнего.

– Как некстати, – не удержался от сарказма Кантор. – Только он перестал меня бояться, и надо же было показаться ему в таком неприглядном виде... Да ладно, чего я голову ломаю, ведь есть еще принц Элмар, честная и открытая душа, малыш Мафей, который не умеет врать, и несравненная Азиль, которой никакими силами невозможно заткнуть рот...

– Вредный ты, Кантор, – заметил король, раскуривая трубку.

– Угу, – согласился тот. – Как это сказал дон Аквилио?.. Наглый, скандальный, неуживчивый и язва первостатейная. Хотелось бы видеть, как вытянутся у всех рожи, когда они узнают, что рано меня похоронили...

– Почему ты вдруг решил, что твои товарищи так тебя ненавидят? – удивился король. – Напротив, они всеми силами старались тебя спасти и очень горевали, когда им это не удалось. Как раз вчера Орlando красочно описывал твои похороны и...

– Этот лопух все-таки попался? Я же его предупреждал, чтобы нашел другое место для свиданий! Нет, он так и лазил по дворцу!..

– Почему попался? Он сам ко мне пришел. Так вот, на твоих похоронах слез было пролито достаточное количество.

– И все это количество пролил лично он, – снова съехидничал Кантор. – Я знаю, наш ненаглядный предводитель это любит.

– Какой ты все-таки зловредный... Он там даже не присутствовал, рассказывал со слов очевидцев. И, судя по его рассказу, твоим товарищам было очень горько с тобой расставаться. Тот же дон Аквилио, о котором ты упомянул, мгновенно забыл о твоей наглости и скандальности и публично раскаивался в том, что отпустил тебя на верную смерть. Твой приятель-вор рыдал как девчонка, а некий господин по имени Торо произнес выдающуюся надгробную речь, способную вышибить слезу даже из такого матерого воина, как граф Гаэтано... Кантор, тебе плохо? Ты прямо посерел весь... Это из-за дыма или я что-то особенное сказал?

– Да, представьте себе, я ни с того ни с сего перестал переносить запах дыма и заодно меня все эти сопли до глубины души тронули! – ядовито отозвался Кантор, пытаясь как-то собрать в кучу разрозненные мысли. Как такое может быть? Выходит, Амарго действительно был у него в спальне? Он ведь рассказывал о похоронах и говорил в точности то же самое, не могло же это быть совпадением? Или могло? Или это был кто-то другой, кто виделся ему как Амарго? А может, никто и не рассказывал, а это у него способности к ясновидению прорезались?

– Тебе неприятно слушать о собственных похоронах? – продолжал между тем король. – Странно, насколько я тебя знаю, это должно было тебя позабавить. Совсем ты расклеился, как я вижу. Что ж, давай о чем-нибудь другом...

– Лучше расскажите, что с вами такого случилось, что Ольге нельзя вас обнимать? – поспешил перейти на другую тему Кантор. – Неужели королева ревнует?

– Ты как скажешь! – засмеялся король. – Кира, конечно, действительно несколько ревнива и очень агрессивно настроена против Камиллы, но ревновать к Ольге – это уже слишком. Просто я вчера обгорел на солнце, и у меня до сих пор болит спина.

– А где это вы так? И куда вы вообще пропали, что Элмар исполняет ваши обязанности?

– Я уехал отдохнуть на Эгинское побережье. И там имел неосторожность позагорать со всеми последствиями. Ты бы видел, какой вчера был переполох... Разве Жак вам не рассказывал?

– Может, и рассказывал, но я спал и ничего не слышал. Как же это вы так лохонулись? Не знали, что ли?

– Вот это самое спросил у меня мэтр Истран, – засмеялся король. – Только в более светских выражениях. Ну не подумал я об этом. Как-то в голову не пришло. Зато теперь я на собственном опыте убедился, что мне можно загорать разве что на севере Лондры.

– Зимой и желательно ночью, – посоветовал Кантор.

– Ты действительно язва, – весело отметил король. – Но все же приятно видеть, что ты не утратил чувства юмора... Кстати, наконец-то я понял, кого мне все время напоминал этот дракон. Тебя. Те же ворчливые интонации, и даже морда чем-то на твою похожа.

– Какой дракон?

– Тот самый, который будет у нас жить. Ты и об этом не слышал? Нет, ну ты совсем отстал от жизни, так нельзя. Надо Ольге сделать замечание по этому поводу. Если она тебе ничего не рассказывает о том, что происходит вокруг, о чем вы тогда с ней беседуете все время? О музыке? Или о том, как замечательно вы будете проводить время, когда ты поправишься?

– Она мне рассказывает детские сказки.

– Почему детские?

– Ей кажется, что мне это нравится.

– А тебе не нравится?

– Как сказать... Все время одно и то же надоедает. Но, в общем, не страшно. А из-за чего Элмар вчера так страшно ругался?

– Да как обычно, подписал документ, не читая, а это оказалась смета расходов на празднование дня летнего солнцестояния. Разумеется, мои ненаглядные придворные, зная о некомпетентности Элмара в подобных вопросах, решили устроить себе праздник на всю катушку. И в карман что-то положить, а как же без этого. Ладно, я ему объясню, где присмотреть и где проверить, чтобы ничего не украли, а в остальном... не урезать же теперь смету, раз подписана, пусть будет праздник. Пусть подданные повеселятся, а то скоро роптать начнут, что у нас жить скучно. Хотя некоторых народных способов веселиться я напрочь не понимаю.

– Это напиться и бить друг другу морды? – улыбнулся Кантор, представив себе, как интеллектуальный господин вроде короля пытается понять такой способ веселиться.

– Это тоже, в особенности вторую часть. Но в данный момент речь шла о моих придворных, и я имел в виду всего лишь танцы и турниры, ох как они меня раздражают... А вот и несравненная Азиль почтила нас своим присутствием! Здравствуй, милая. Ты сегодня дома?

Нимфа, которая, по обыкновению, возникла в дверях бесшумно как тень, одарила обоих волшебной улыбкой и опустилась рядом на ковер, изящно поджав босые ножки.

– В последнее время я никуда не хожу, потому что Элмар каждый день возвращается расстроенный и я ему нужна здесь. Как вы себя чувствуете?

– Отлично, – в один голос заявили оба пострадавших и одновременно рассмеялись.

– Диего, – продолжала Азиль, – а Плакса к нам еще зайдет или вы с Элмаром напугали его так, что теперь он будет обходить наш дом десятой дорогой?

– Кто такой Плакса? – насторожился король.

– Это мой приятель из отдела пропаганды, который так любезно помогал мне с телепортацией, – пояснил Кантор, надеясь, что король поймет, о ком идет речь, а Азиль, напротив, не поймет ничего лишнего. – Не беспокойся, Азиль,

обязательно зайдет. Он подождет, пока я немного поправлюсь и перестану на людей кидаться, а потом придет. А где Ольга?

– Вышла в сад с эльфом пообщаться, – беззаботно сообщила нимфа, словно общение с эльфами было обычным пунктом Ольгиного распорядка дня.

– Зачем?

– Как зачем, чтобы уговорить его слезть с забора и не мелькать! А то сейчас Элмар придет, увидит и еще сильнее расстроится.

– И что, эльф поддается на подобные уговоры? – заинтересовался король.

– Как тебе сказать... В субботу Ольга просидела с ним на заборе часа три, выслушивая его жалобы и утешая его по мере возможности. Потом он все-таки ушел – то ли уговоры подействовали, то ли утешился немного, то ли просто спать захотел. А вчера опять явился, и Ольга с ним опять о чем-то беседовала, когда Диего ушел спать. Смотрю, он и сегодня исправно сидит на заборе. Может, теперь он специально приходит с Ольгой пообщаться?

– И как у Ольги сил хватает выслушивать его извращенские бредни, да еще и утешать? – проворчал Кантор. – Я бы не выдержал.

– Не думаю, что для нее это так трудно, – усмехнулся его величество. – Как мне кажется, Ольга сочувствует влюбленному эльфу совершенно искренне, поскольку не находит ничего особенно страшного в любви одного мужчины к другому. В их мире с этим как-то проще.

– Как в Галланте? – засмеялась Азиль. Кантор мрачно выругался и от дальнейших комментариев воздержался.

– Уж не ревнуешь ли ты? – поддел его король. – Не боишься ли, что эльф отобьет у тебя девушку? А то девушки – они такие, им эльфы нравятся...

– Да ну, фигню какую несете, – огрызнулся Кантор, поскольку с непутевого прадедушки вполне и такое могло стать. – Все равно ничего серьезного там не будет, в крайнем случае переспят разок, да и то я сомневаюсь, что Ольга ему

настолько понравится, эльфы жутко переборчивые. Одно непонятно: о чем там можно было три часа трепаться?

– Не знаю, не знаю... – внезапно задумался король, – о чем они там треплются с Ольгой... а вот о чем я бы с ним мог потрепаться... Интереснейшая идея, господа. Я вас покину минут на двадцать; если придут Элмар и Кира, садитесь ужинать без меня. Я присоединюсь к вам позже.

– Ты замерзла, – заботливо заметил Хоулиан, изящным движением сбрасывая куртку. – Вот, надень.

– Спасибо... – смутилась Ольга, накинула эльфийскую одежду и, закутываясь, чуть не свалилась с ограды, на которой они сидели. – И как ты умудряешься отсюда не падать?

– Мне удобно, – мягко улыбнулся эльф и вновь печально уставился на окна дома. – К тому же влюбленным свойственно делать всякие глупости, в том числе сидеть на заборах. Я неоднократно видел, как то же самое делали люди.

– Я так никогда не делала, – возразила Ольга. – Никогда я не сидела у Жака на заборе и не всматривалась в окна в надежде, что он выглянет. Это надо совсем себя не уважать, чтобы так за мужиком бегать.

– Ты рассуждаешь как женщина, – тихо засмеялся эльф, мимоходом тряхнув головой, отчего его роскошные волосы взметнулись блестящей волной, как у красоток из рекламных роликов про всякие навороченные шампуни. – А я говорю о мужчинах.

Ольга немедленно представила себе, как Хоулиан исполняет серенаду под балконом любимого мужчины, а Элмар выходит на балкон, застенчиво кутаясь в мантилью и прикрываясь веером, и бросает своему воздыхателю розочку... На этом она не выдержала и заржала, не дойдя до главного момента, когда обрушивается балкон. При этом, разумеется, опять чуть не съехала с ограды. Хоулиан придержал ее за талию и заметил:

– У тебя странное свойство во всем находить смешное.

Чтобы он, не дай бог, не подумал, что она смеется над его чувствами, Ольга немедленно описала ему воображаемую сцену у балкона, отчего эльф тоже захихикал.

– Это же надо такое придумать! Ты никогда не пробовала подрабатывать шутом? У тебя бы получилось. Ох уж эти люди... Напротив, на балконе я предпочел бы стоять сам. И даже спрыгнуть оттуда в могучие объятия своего возлюбленного. Все-таки как это жестоко и несправедливо, когда на пути высоких чувств стоят всего лишь презренные ничтожные вековые предрассудки, с которыми люди носятся, как курица с яйцом, и которые почему-то считают основами морали...

– Попробуй взглянуть на это с другой стороны, – посоветовала Ольга. – Элмару просто не нравятся мужчины. Он не находит их сексуально привлекательными. Ну вот, к примеру, как толстых некрасивых теток...

– Но я же красивый, – возразил Хоулиан, тяжело и безнадежно вздыхая.

– Но ты же мужчина.

– Вот мы и пришли к тому, с чего начали. Что с того, что я мужчина? Двое мужчин могут провести время друг с другом ничуть не хуже, чем с дамами. Если они не подвержены глупым предрассудкам.

– Да что тебе, не с кем больше время провести? На Элмаре свет клином сошелся?

– Люблю я его, – тоскливо вздохнул эльф и опять уставился на окна. – Не потому, что мне хочется мужчину, а потому, что он самый... самый-самый. Прекрасный, сильный, благородный... лучше всех. Я не встречал еще человека столь чистой души... Да что я тебе рассказываю, ты ведь сама влюблялась и знаешь, что любовь – это нечто большее, чем просто половое влечение.

– Да знаю... – вздохнула Ольга и сочувственно погладила его по плечу. – Ну не переживай так, оно пройдет. У меня всегда проходило. Надо только смириться с неизбежным и потерпеть немного, пережить это все... А потом попадется тебе кто-то другой... или другая...

– Такие вещи не проходят навсегда и полностью, – покачал головой ее безутешный собеседник и поднял глаза к небу. – Нам кажется, что проходят, но на самом деле что-то всегда остается. Крошечная драгоценная крупинка воспоминаний, которая забивается в самый дальний уголок души и тем не менее делает нас лучше, а нашу жизнь – светлее. Разве ты сама этого никогда не чувствовала?

– Не знаю... – напрягла память Ольга. – Сейчас я вспоминаю, как позорно ревела, а король утирал мне нос, и мне неловко и стыдно это вспоминать.

– Не следует стыдиться слез любви, – проникновенно произнес эльф, устремляя на нее вдохновенный взор. Ольгу каждый раз словно мороз продирал, когда он вот так смотрел своими мерцающими волшебными глазищами. – Это тоже прекрасно, как и все, что озарено любовью.

– Все? – недоверчиво переспросила девушка.

– Все. Начиная с обычного секса и заканчивая глупым, на твой взгляд, сидением на ограде.

Ольга помолчала, переваривая очередное изречение и примеряя его к действительности. Какая-то доля истины в нем все же содержалась, хотя в сидении на заборе она по-прежнему не видела ничего прекрасного. Впрочем, если смотреть со стороны, изящный красавец-эльф смотрелся на этой ограде очень живописно. Может, в том и состоит вся прелесть, недоступная ее пониманию?..

– Все равно, – заявила она, найдя наконец слабое место в логике собеседника, – можно было сделать умнее. Не признаваться в любви в первый же вечер, а тихо промолчать. Тогда бы Элмар от тебя не шарахался и не прятался и тебе не надо было бы торчать под его окнами. Ходил бы в гости вместе со всеми и любовался на него сколько влезет.

– Я бы не смог, – вздохнул Хоулиан. – Быть рядом и ничем не выдать своих чувств... Да и не принято у нас их вообще скрывать. Сложно с вами, людьми. Придумали сами себе массу условностей и сами же от них страдаете.

– А почему ты тогда к нам так равнодушен? Что к мужчинам, что к женщинам?

– Потому что вот такие у меня необычные предпочтения. У каждого есть свои предпочтения, нечто только для себя ценное и только для себя понятное. Это все очень индивидуально и не всегда приобретает извращенные, по вашим понятиям, формы. Я, например, нашел то самое, что мне нужно, и оказалось, что это можно найти только среди людей. Мама говорит – извращенец. А сама-то... впрочем, это ее личное дело.

– Это ты к тому, что эльфы не растут такие, как Элмар? – невольно улыбнулась Ольга.

– Растут, может, и растут, но такой мышечной массы не достигают, даже если специально качаться. И даже магия не помогает. Один мой друг пробовал, и у него ничего не получилось.

– А зачем ему это понадобилось?

– Я ему очень нравился, и он хотел сделать мне приятное.

– М-да... – не нашла другого комментария Ольга. – Так ведь здоровенных мужиков, наверное, полно на Альфе. Запросто, в любом гей-клубе... Или сейчас их там нет?

– Есть, конечно. Обычно там я и нахожу себе мужчин по вкусу. Но чтобы так влюбиться... Лет тридцать со мной такого не случалось. Нет, больше. Несравненная Габриэль, как она была прелестна, юна и наивна!.. И как жаль, что этот период целомудренной неопытности так быстро проходит! Люди слишком быстро всему учатся, быстро взрослеют... Я тебе еще не надоел своими жалобами?

– Да нет, что ты. С тобой интересно.

Хоулиан улыбнулся:

– Это потому, что я эльф? Я заметил, наши уши оказывают на людей некое магическое воздействие.

– Дело вовсе не в ушах, – возразила Ольга. – К ним я уже привыкла. С тобой интересно поговорить, ты как-то иначе мыслишь и такие странные вещи иногда выдаешь. И на тебя вообще приятно посмотреть, но это уже так, между делом, красивые и люди бывают.

– Ах, Элмар... – тяжело вздохнул эльф.

– Вот-вот. На Элмара я тоже всегда люблюсь.

– О, это естественно. Я заметил, он очень нравится женщинам. Хотя эльфийки не нашли бы в нем ничего привлекательного. Не понимают истинной мужской красоты...

– Хоулиан, а какие они, эльфийки?

– Разные. Бывают, как ты, есть и более фигуристые.

– Что, эльфийки бывают вот... такие? – изумилась Ольга, демонстративно похлопав себя по той самой плоскости, которая доставляла ей столько огорчений. – А говорят, они настолько прекрасны, что человеки с ума сходят... Или это барды, как обычно, перестарались?

– Красота не заключена в некой конкретной черте.

– А в чем?

– В гармонии и в умении... себя показать, как вы это называете. Вот взгляни, к примеру, на меня. Что ты видишь первым делом?

– У тебя шикарные волосы! – немедленно восхитилась Ольга.

– Верно. Именно поэтому я и забочусь о том, чтобы их замечали в первую очередь. Волосы, фигуру, глаза... Уши у меня тоже очень милые по эльфийским меркам. А теперь перешагни через владеющее тобой очарование и рассмотри пристально. Могу поспорить, человек с таким носом, как у меня, был бы тебе неприятен. А ты даже не замечаешь, какой формы у меня нос.

Ольга потрясенно уставилась на предмет обсуждения, только сейчас сообразив, что действительно никогда не любила вот такие остренькие лисьи носики и что действительно до сих пор ничего не замечала. Да и подбородок тоже... не особенно... Руки откровенно женские... Хотя руки особого значения не имеют, от этого эльфа и так голубизной несет за версту.

– А как вы это делаете? – тут же заинтересовалась она, не особо, впрочем, надеясь, что у нее получится так же. – Это магия? Или что-то другое? Но точно же не иллюзия, я к ним невосприимчива.

– Нет, конечно, это не иллюзия и вообще не магия. Это искусство, в некоторой степени доступное и людям. Только они слишком мало живут, чтобы успеть довести его до совершенства. Ты не замечала, что... Прошу прощения, глупость чуть не сказал. Ты слышала о таком парадоксе: эльфы после пятидесяти намного красивее, чем были, скажем, в семнадцать? А эльфы-дети вообще часто несимпатичные «гадки утят».

– То есть в молодости вы такие, как есть. А с возрастом учитесь казаться лучше.

– Совершенно верно. Могу только добавить, что женщины учатся быстрее.

– Значит, – улыбнулась Ольга, – Мафей и Плакса с возрастом еще похорошеют? Они, по-моему, и так лапочки.

– У них были очень красивые матери-люди. Но даже в этом случае... К примеру, у Мафея уши далеки от совершенства, только люди в этом не разбираются. А мой милый мальчик, как это ни прискорбно, не вышел ростом. И сейчас все это видят и замечают – в частности, его дама сердца, которая выше его на полголовы и очень по этому поводу переживает. А вот лет через пятьдесят... он не станет ни на палец выше, но замечать сей печальный недостаток перестанут... Ольга, мне кажется, ты намерена попросить меня быть твоим наставником? Не надо, очень тебя прошу. Я никуда не годный педагог. И я даже сам не вполне осознаю, как у меня это получается. Могу только дать совет – выясни, что в тебе больше всего нравится людям, и именно в это вкладывай свой свет.

«Какой свет?» – тоскливо подумала Ольга, но показаться полной дурочкой не рискнула.

– Что, просто так поспрашивать? – вздохнула она. – Но всем нравится в основном мой характер, моя «забавная» речь, в общем, что угодно, только не внешность.

Хоулиан тихо засмеялся:

– Мужчина, который делит с тобой ложе, не может любить в тебе только веселый нрав и забавную речь, что бы он сам по этому поводу ни говорил.

– Да ну, его спрашивать бесполезно. Он от всего тащится. Даже отсутствующий бюст где-то находит.

– Вот видишь! – Глаза эльфа озорно сверкнули. – Значит, и у тебя работает! А если ты стесняешься спрашивать людей или сомневаешься в честности их ответов... – Он хитро прищурился и оглядел Ольгу с головы до ног. – У тебя очень приятный цвет волос, что может отчасти компенсировать их скудный объем... красивая шея, которую надо только научиться держать... тонкая талия... и весьма, весьма соблазнительная попка. Почти как у эльфийки.

– Шуточки у тебя озабоченные! – рассмеялась Ольга.

– Это вовсе не шутка. Юные эльфийки действительно часто обладают такой же фигурой, как у тебя.

– А что тебя в них не устраивает, что тебя так тянет к людям? Или эльфийки даже с возрастом не дорастают до таких форм, как у Камиллы? Ну там лифчики пятого размера и все такое?

– Камилла... – поморщился Хоулиан. – Это людям она кажется непревзойденной. Или такому мальчишке, как Мафей. Нет, я, конечно, с уважением отношусь ко всякому мастерству, а ее мастерство не вызывает сомнений, но... сама подумай, мне сто семнадцать лет, что нового мне может показать Камилла? А размер груди, если ты об этом, для меня не имеет значения.

– А что имеет?

– То, чего невозможно получить ни от одной эльфийки. Ты не можешь себе представить, какой это изысканный восторг – сорвать завесу целомудрия с юной

девы, не знавшей мужских ласк, пробудить в ней неизведанные прежде чувства, заставить впервые в жизни содрогаться от наслаждения в твоих объятиях...

– Постой... – растерялась Ольга. – Но разве так трудно найти нетронутую эльфийку?

– Можно. Но это уже будет растление малолетних.

– Они так рано начинают?

– Их сопливые сверстники не оставляют старшим никаких шансов. К тому же у людей есть одна анатомическая особенность, которой нет у нас. Ваши женщины запечатаны самой природой, как бутылка дорогого вина, и когда срываешь эту печать... Э-э... извини, я увлекся. Я всегда увлекаюсь, когда говорю о таких вещах, и могу говорить сколько угодно, а тебе это все равно не понять. Ты стоишь по другую сторону.

– Это в смысле – я женщина?

– Да. И ты видишь это все совсем иначе, как я уже сказал, с другой стороны. Жаль, что я не встретил тебя раньше. Сейчас мой непутевый правнук уже успел основательно тебя испортить.

– Диего – твой правнук?

– А он тебе не говорил?

– Он говорил, что у него прадед – эльф, но не уточнял, что это ты. А что же ты к нему не заходишь?

– Во-первых, мы практически незнакомы, а во-вторых, не думаю, что Элмар будет рад моему присутствию в доме.

– Совершенно верно, – спокойно заметили снизу. – Можно сказать, он будет просто в отчаянии. Добрый вечер, господа и дамы.

– Ой! – Ольга подпрыгнула от неожиданности и опять чуть не свалилась. – Ваше величество, разве можно так подкрадываться!

– Извини, я полагал, что ты слышишь. Неужели я подошел настолько бесшумно?

– Нет, конечно, – тихо засмеялся эльф. – Добрый вечер и тебе, Шеллар. Я слышал, как ты подошел. А Ольга, видимо, увлеклась беседой. Ты тоже хочешь почитать мне нотации и попросить не сидеть здесь? Или же, подобно Ольге, постичь искусство быть неотразимым? И не боишься, что о тебе что-то не то подумают? А то остальные мужчины боятся.

– Ольга, ты подумаешь обо мне что-то не то? – с усмешкой поинтересовался король, подходя поближе.

– Вы как скажете! – засмеялась Ольга. – Лучше смотрите, чтобы Кира не приревновала. А то она как раз может не то подумать и начнет за бедным Хоулианом с мечом гоняться... Разве что поверит моим подтверждениям, что вы остались ей верны, несмотря на неземную красоту вашего собеседника. Только не надо читать ему нотации, я и так его уже второй день достаю.

– Полагаю, нотации здесь будут бесполезны, – серьезно сообщил король. – Да и не за этим я, собственно, пришел. У меня есть небольшое дело, и я был бы счастлив, если бы господин Хоулиан уделил мне четверть часа для серьезного разговора.

– Присаживайся, – без особого энтузиазма предложил эльф, небрежно хлопнув ладонью по ограде.

– Извините, не здесь. Разговор конфиденциальный, я предпочел бы более уединенное место, где нас не подслушает какой-нибудь садовник или случайный прохожий.

– Даже так? А о чем же?

– О международной политике, – печально вздохнул король. – Мне бы очень хотелось побеседовать с вами о вещах более приятных и интересных, но, увы, на первом месте все же политика, будь она неладна. Вы не возражаете?

– Не понимаю, какое я имею отношение к политике, – слегка удивился эльф. – Но ты меня заинтриговал. Кстати, у нас не принято обращаться друг к другу во множественном числе.

– Спасибо. Я постоянно забываю. Что ж, в таком случае поможем даме спуститься и... куда отправимся?

– Есть одно место, – улыбнулся Хоулиан. – Там нас никто не подслушает. И даже не увидит, так что твоя репутация не пострадает.

– О, моя бедная репутация! – засмеялся король. – По-моему, ее уже ничем не испортишь. Чего обо мне только не говорили...

– Не прибедняйтесь, ваше величество, – возразила Ольга, возвращая эльфу его курточку и спрыгивая с ограды. – Сейчас о вас слагают романтические баллады все барды королевства.

– Не знаю, стоит ли радоваться этому факту. Во-первых, упомянутые баллады часто страдают полным отсутствием литературной ценности и даже элементарного вкуса. А во-вторых, именно из-за них пошли слухи, будто я умер, а меня то ли подменили, то ли оживили. После столь занимательной свадьбы народ начал любить меня больше, чем следует, и это вызвало определенную активность неких враждебных сил, хотелось бы точно знать, мистралийцы это или кто-то еще... Конечно, мою возросшую популярность следовало как-то поумерить, отсюда и свежие сплетни. Ладно, этим займусь отдельно, а пока у нас другое дело. Ольга, скажи там, чтобы не беспокоились, я скоро буду. Если появится голодный Элмар, садитесь ужинать без меня, я присоединюсь к вам позже.

Глава 3

Разве плохо иметь, по крайней мере, общее представление о том, что мы будем делать, до того, как выйдем на поле боя?

– Триста лет... подумать только, триста лет! Как такое могло случиться? Впрочем, чему я удивляюсь, переселенцы всегда прибывали со сдвигом во времени... – Высокий сутулый человек, произнесший эти слова, был явно опечален, но судить о его чувствах можно было только по голосу. Лицо он не показывал даже самым приближенным подданным, если они были живыми. А те подданные, которые живыми уже не были, никогда не распространялись о внешности повелителя и благодетеля.

Его так и называли – Повелитель, ибо его имени никто из живых не помнил, а неживые опять же не отличались болтливостью. Лишь немногим позволено было называть Повелителя иначе, и его собеседник принадлежал к этим избранным.

– Да, учитель... – виновато кивнул молодой господин, наряд которого вопиюще дисгармонировал с обстановкой бункера, где и происходила беседа. – Триста лет. Очень многое изменилось и не соответствует вашим рассказам. В частности, одежда. Если бы я был видим, мой костюм собрал бы толпу зевак.

Повелитель мимоходом поправил складки узкой черной мантии, стянутой на талии широким изукрашенным поясом. Этот пояс был бы тесен любому из живущих, но на Повелителе сидел настолько свободно, что казалось – под мантией вовсе нет тела и висит сия одежда на некой оригинальной вешалке. Впечатление вешалки усугублялось еще и тем, что черная вуаль из тонкой легкой ткани, закрывавшая лицо, ни разу за весь разговор не колыхнулась, хотя людям свойственно дышать.

– Да, таких мантий давно не носят, – угадал его мысль ученик. – Сейчас в моде более просторные, без шнуровки на рукавах и с открытым воротником... Я там украл себе кое-какого барахла, чтобы одеться в следующий раз. И еще мне понадобится грим. Хороший грим, чтоб не вызывал сомнений. Я... гм... один раз позволил себе показаться на глаза одной местной жительнице, и мое лицо привело ее в панический ужас.

Ничего отталкивающего или пугающего в лице юноши на самом деле не было, но от обычных человеческих лиц оно отличалось столь заметно, что один лишь этот факт мог повергнуть в ужас незнакомых зрителей. Гладкая, словно лакированная кожа серебристо-серого цвета туго обтягивала скулы и челюсти. Над узкой безгубой линией рта чуть шевелился влажный черный нос, похожий на собачий. От бровей вверх тянулись твердые костяные гребни, напоминающие расплющенные и прижатые к черепу рога, между которыми дерзко топорщился

жесткий ежик густых черных волос. Только глаза были человеческими, если не принимать во внимание их странный цвет. Огромные, миндалевидные, с длинными темными ресницами.

– Разве ты к этому не привык? – В голосе Повелителя послышалось некое подобие смеха. – Пленницы из городов Конфедерации, с которыми тебе приходилось иметь дело, тоже пугались.

– И все, как одна, кричали: «Мутант!» – Юноша нахмурился, если это можно так назвать. Ввиду нестандартного строения лица мимика у него тоже была своеобразная.

– Полагаю, местная жительница таких слов не знала, – предположил Повелитель.

– Наверное, не знала. Она завопила на всю округу: «Демон!» – и попыталась удрать.

– За эти триста лет люди забыли, как выглядит демон? Что ж, им придется это вспомнить...

Он прошелся по комнате, задумчиво бормоча себе под нос:

– Триста лет, кто бы мог подумать! Значит, они все умерли... Давно умерли. Люди столько не живут. Да и гномы... Они, конечно, не люди, но триста лет – это и для гнома много. Святоша Феандилль уже тогда был не жилец, я его успел все-таки приложить. А тот самонадеянный сопляк, значит, пропал? Пришил товарища и исчез?

– Так говорит легенда, – сочувственно подтвердил демон (он же мутант), с некоторым смущением теребя полу своей морально устаревшей мантии. – Ушел и пропал, никто не знает куда.

– Ненормальный он был, я всегда это говорил... Итак, Харган, что ты выяснил о первой экспедиции?

– Достоверно выяснил только одно: задачу они не выполнили.

– Я и не надеялся, что это у них получится без связи и без нашей помощи. Как долго они продержались и что смогли сделать?

– Похоже, они сумели провести одну успешную операцию. После этого удача отвернулась от них, и сейчас за ними гонятся спецслужбы всех королевств. Войти с ними в контакт мне не удалось, так как они тщательно скрываются. Из Мистралии им пришлось уйти. Неизвестно, действительно ли их прогнали, или же они просто перенесли свою деятельность в другое государство. Судя по тому, сколько времени прошло между первой операцией и следующей, все-таки прогнали. Иначе им бы не понадобилось целых пятнадцать лет, чтобы повторить свою попытку.

– И где они ее повторили? – Вуаль на лице Повелителя заинтересованно шевельнулась. – Эгина, Ортан?

– Ортан. Крайне неудачно. Один из принцев остался в живых. По несчастью, это оказался очень толковый и сообразительный молодой человек, к тому же глава департамента Безопасности. Уже через два дня самых нерасторопных публично казнили, а самые расторопные уносили ноги, уничтожив все, что не смогли прихватить с собой. Несколько циклов назад состоялась третья попытка, столь же неудачная, как и вторая. В Хине.

– Там тоже нашелся сообразительный принц?

– Я не смог выяснить, что именно там случилось. Скорее всего, – демон криво усмехнулся, оскалив острые акульки зубы, – причиной была банальная арифметика. Императорская семья оказалась слишком велика, чтобы ее можно было уничтожить одним ударом. Все-таки у правителя Подлунной было пять или шесть жен и наложниц плюс отряд детей, не считая двоюродных братьев, племянников, внуков и прочей родни... А пока их отлавливали по дворцу, подоспела помощь, которую поторопился оказать доброжелательный сосед. Тот самый бывший сообразительный принц, ныне король Ортана. Что осталось от наших последователей в настоящий момент, выяснить будет сложно. Они забились в самые глубокие щели и затаились, так как за ними теперь действительно открыта охота во всех государствах. Я даже специально залез, посмотрел на этого шустрого правителя.

– Тебя не засекли?

– Почти засекли, но я успел уйти через окно. Убрать его надо, таково мое впечатление. Иначе вмешается и опять что-нибудь испортит.

– Почему обязательно убрать? – глухо ухнул Повелитель, что должно было означать смех. – Мне нравятся умные противники.

– Как пожелаете. Но ситуация настолько неблагоприятная, что, боюсь, мы не можем себе позволить играть в граки-крыски, как бы ни был вам интересен противник. Тем более он целенаправленно подбирается к нашим затаившимся последователям, и если все, что о нем говорят, правда...

– Хм... Жаль, что мы с ним обитаем в разных мирах, мне интересно было бы с ним познакомиться. Но поскольку лично я, к сожалению, не смогу навестить этого занятого господина... Умные слуги мне тоже нравятся. У нас был один занятный вариант – заменить правителей послушными нашей воле существами, вот с него ты и начнешь. Только будь внимателен и проверь заранее, нет ли на объекте магических защит и не проводились ли над ним какие-либо мистические ритуалы вроде тех, что практикуют миссионеры-христиане. Ни в каком мире от них спасения нет! И здесь гадят!

– Постойте, учитель, я ведь не закончил свой доклад! Дело в том, что этого правителя и так подозревают в том, что он – кем-то поднятая нежить. И даже намереваются устроить официальную проверку на подлинность. Если мы сделаем с ним то, что вы предлагаете, его тут же раскроют!

– А кто проверять-то будет?

– Как я понял, для этого специально соберут консилиум магов.

– Морриган тоже там будет? – оживился Повелитель.

– Непременно. Сейчас, когда некромантия запрещена законом, специалистов в этой области осталось мало, и Морриган считается одной из лучших. Скорей всего, она и будет лично проверять.

– Замечательно! – Замогильный смех Повелителя разнесся по бункеру гулким эхом. – Тут-то мы их и накроем! Этого не в меру шустрого и сообразительного

охотника за нашими последователями мы заодно и устраним, и припозорим, а гадюке Морриган подпортим репутацию.

– Как? – с азартом подался вперед Харган. Все-таки он был очень молод, этот демон, и мальчишеская несдержанность то и дело прорывалась сквозь напускную солидность доверенного лица и личного ученика Повелителя.

– Инструкции я тебе дам перед следующим открытием портала. А пока займись своим будущим гримом и гардеробом, чтобы ты мог появляться на людях видимым. Тебе надо будет нанять исполнителя.

– Я вполне справлюсь сам... – начал отважный ученик, но его рвение тут же было пресечено.

– Нет, сам ты туда не сунешься. Ты слишком нужен нам, чтобы так рисковать. Если тебя заметили, в следующий раз ты можешь наткнуться на сигнализацию. Наймешь исполнителя. Именно наймешь, живого, не рискуй посылать зомби, если не будешь точно уверен, что его не засекут. На нежить и вообще на магию шестой стихии сигнализация существовала еще триста лет назад, а сейчас, возможно, достигла неведомых мне высот. Так что найдешь живого, наложишь на него невидимость... Тебе же по силам сделать невидимым человека?

– Вы сами меня учили! – с гордостью возгласил юный демон.

– Вот и вспомнишь, чему я тебя учил. Иди занимайся. А мне надо будет поработать в лаборатории. Прикажи ассистентам доставить живого мужчину старше шестидесяти и пару змей. Только чтоб материал был генетически чистый! Если эти неучи опять притащат мне мутировавшую особь, я их казню без права перерождения!

Астрайское ущелье всегда было неуютным, пустынным и мрачноватым местом. Голые каменистые склоны, почти отвесно уходившие вверх, пыльная дорога, по которой никто не ездил, и высокое синее небо, где одиноко кружил голодный стервятник, высматривая, что бы пожрать. На фоне этого пейзажа группа людей на дороге смотрелась чуждо и неуместно, и, похоже, они сами чувствовали себя не в своей тарелке. Особенно товарищ Пассионарио, который невольно сравнивал окружающую местность с жутким видением разгрома своей армии и

приходил к неутешительному заключению, что в настоящий момент стоит на том самом месте, где его должна была настигнуть смерть. Охрана почтительно стояла поодаль, оглядываясь по сторонам и изо всех сил стараясь своим присутствием не помешать товарищам командующим думать. Товарищи тоже молчали, угрюмо рассматривая стены ущелья и пыльную дорогу. Генерал Борхес, полковник Гаэтано, полковник Сур, полковник Альваро и, разумеется, товарищ Амарго, куда же без него.

– Я одного не понимаю, – проворчал наконец Гаэтано, сердито пиная сапогом попавший под ноги камешек. – С чего вдруг мы должны полагаться на видения? Мало ли что может привидеться при таких медитациях... Мистики, бывает, и богов видят, причем все разных, так что, это доказывает, что боги есть?

– Я тоже сомневался, – отозвался Амарго. – Но товарищ Пассионарио консультировался с несколькими крупными специалистами, и они единодушно сочли его видения значимыми и серьезными.

– А я другого не понимаю, – нахмурился генерал. – Как нас вообще можно было здесь зажать? Товарищи, посмотрите на это ущелье. Вход в него достаточно узкий, чтобы его можно было легко удерживать даже небольшими силами, обеспечив основную массу успешный отход в долину. Для того чтобы закупорить второй вход, противнику пришлось бы каким-то образом обойти нас с тыла, что практически невозможно. Ближайшие перевалы...

– Я понимаю ваши сомнения, – перебил его Пассионарио, заставив себя отвести взгляд от единственного в округе засохшего дерева. Под этим деревом в его видении стояли Кантор и Эспада, а спустя секунду от них осталась дымящаяся воронка и кровавые ошметки. – Однако каким-то образом все это произошло. И чтобы оно не повторилось, на этот раз наяву, мы должны понять, каким образом случилось то, что вы называете невозможным. Понять и предотвратить. Я не военный, мне в этом сложно разобраться. Поэтому я и привел сюда вас. Вы у нас стратег, вы наш начальник штаба, вот и думайте, как и почему враги оказались у нас в тылу и каким образом нас вообще занесло в это проклятое ущелье.

– Это-то как раз проще простого, – неохотно пояснил полковник Сур. – Если нам придется покинуть базу и отступить к ортанской границе, Астрайское ущелье – самый удобный маршрут.

– Единственный, – поправил его генерал. – Уходить на перевал Баррера Агардас – чистое безумие, нас перестреляют, пока мы будем карабкаться на гору. А до Силья дель Пьедра сутки пути по открытой местности. Если нас выбьют с базы, отходить придется именно этим путем, через Астрайское ущелье.

– Как я понимаю, – угрюмо заметил Амарго, – правительственные генералы не уступают вам в мощи стратегической мысли и карты Зеленых гор у них, разумеется, тоже есть. Следовательно, им несложно додуматься, что мы будем отходить через Астрайское ущелье и что оно как нельзя более подходит для того, чтобы нас в нем закупорить. Вопрос один – как практически можно это сделать.

– Обойти заранее, – неохотно предположил генерал. – Пробраться так, чтобы их не заметили наши посты на соседних перевалах, или вообще через Белую Пустыню... Или же перелететь через горы, или нанять телепортистов за рубежом...

– А вы говорите, невозможно, – упрекнул его Пассионарио. – Значит, все-таки возможно?

– Теоретически – да, – еще неохотнее признал генерал. – Но представьте себе, как это будет выглядеть практически. По-вашему, возможно?

– Маловероятно, – начал заводится вождь и идеолог, – не значит невозможно. Я вас убедительно прошу, товарищ генерал, рассмотреть все варианты, даже самые маловероятные, и подумать над возможными контрмерами. Это, между прочим, ваша прямая обязанность как военачальника. И настоятельно вам рекомендую отнестись к моему поручению со всей ответственностью, если вы не хотите, чтобы к концу лета ваша голова валялась вон у того камня, а все остальное – там, где вы сейчас стоите. Это был бы очень печальный финал вашей карьеры полководца, вы не находите?

– Успокойтесь, – не глядя на вождя, произнес Амарго. – Не надо никого пугать, трусов здесь нет. И дураков тоже. Все всё понимают. Я прав, товарищи?

– Меня смущает еще один момент, – несмело подал голос полковник Альваро. Он получил свой пост совсем недавно, после скоропостижной кончины полковника Сорди, и еще не привык к новым полномочиям. – Почему нам придется

отступать? По всем расчетам, даже если правительство затеет грандиозную военную операцию по зачистке Зеленых гор, как оно давно собирается, наша база достаточно хорошо укреплена и наше войско достаточно сильно, чтобы разбить противника и перейти в контрнаступление, при условии, что мы стянем на базу все полевые отряды. Тем более, я слышал, мы получили новое оружие?..

– Получили, – согласно кивнул Амарго. – Но мало. А правительство имеет его уже давно. Так что всякое может быть, никто ни от чего не застрахован.

– Напротив, – с мрачным сарказмом заметил Гаэтано. – Как раз «всякого» быть не может. Может быть одно конкретное событие, которое видел в своих «медитациях» наш провидец. А от всего остального мы, можно сказать, застрахованы.

– Нет, – горячо возразил Пассионарио. – Не надо опускать руки и думать, что все предначертано и ничего нельзя изменить. Можно, я знаю... знаю конкретного человека, которому это удалось. Нужно только разобраться, найти причины и устранить их. И тогда все повернется совершенно иначе. Поверьте, если бы это было невозможно, я бы тотчас же распустил свое войско и оставил всякие помыслы о дальнейшей борьбе. Мне легче разочаровать людей, чем повести их на верную смерть. В конце концов, я видел и другие варианты, несвязные, обрывочные, но все же видел, значит, они тоже существуют. И еще не predetermined, умру ли я через пару лун на этом самом месте, где стою сейчас, или доживу до конца света, и будет ли вообще этот конец... Или тот же Кантор, к примеру. Какое из видений сбудется – то, в котором он гибнет вместе со всеми в этом ущелье, или то, где я видел его в кругу семьи, среди детей и с другой... э-э... Впрочем, это к делу не относится. Я к тому, что возможно и то, и другое, и даже некое третье. И наша задача состоит в том, чтобы самый неподходящий для нас вариант исключить и повернуть события в лучшую сторону. От вас требуется только напрячь ваши военные таланты и подумать, как это будет и как с этим бороться. Для этого я и привел вас сюда и для этого открыл вам тайну своих предвидений, рискуя посеять преждевременную панику в войске. Кстати, если кто-то считает, что нам следует сворачивать свою деятельность и уносить ноги, пусть уходит сразу, я никого не буду удерживать и даже сам телепортирую в любое из доступных мне мест. Только прошу сохранить в тайне то, что я вам сказал, и не пугать солдат.

– Как уже верно заметил товарищ Амарго, – жестко произнес генерал Борхес, сразу подобравшись, словно перед дракой, – трусов среди нас нет. И я поведу

войско в бой, даже если у нас не будет никаких шансов.

– Таков путь воина, – добавил Гаэтано, тоже мгновенно оставив свой насмешливый тон. – И нам легче повести солдат на смерть и умереть вместе с ними, чем удрать, даже не пытаясь сражаться.

Предводитель обвел взглядом своих военачальников, одарив каждого персонально своей знаменитой улыбкой, и произнес:

– Я знал, что могу на вас рассчитывать. А теперь оставим это неудобное место и вернемся на базу, к нашим делам. Их у нас невпроворот.

Когда военачальники покинули хижину, куда вернул их телепортом товарищ Пассионарио, а вслед за ними вышли полные почтительного трепета охранники, дон Аквилио задержался в дверях, колебался, затем решительно захлопнул дверь за ушедшими и обратился к шефу:

– Товарищ Пассионарио, можно вопрос?

– Я вас слушаю, – отозвался Пассионарио, бросая на стол шляпу. – Что вы хотели?

– Я слышал, что Кантор нашелся и что он жив. Это правда?

– Правда. Это не слухи, это я сказал. Я его нашел. А что?

– Он... – Начальник охраны снова замялся. – Он к нам вернется? Я имею в виду, он... с ним...

– Вернется, – заверил его Пассионарио. – Хотя его здорово потрепали, калекой он не станет, если вы это имеете в виду. Как только поправится, так и вернется.

– А нельзя ли, когда он вернется... куда-нибудь его перевести?

– Перевести? – удивился предводитель. – А почему? Что не так? Он вам чем-то не подходит или?..

– Нет, но... Понимаете, получается, что я его самым бесчестным образом подставил. И хотя я, конечно, не знал, чем это для него обернется, все же...

– Да не беспокойтесь, дон Аквилио. Кантор не имеет понятия, что вы могли отказаться, когда у вас попросили человека для охраны. Он и не подумает в чем-то вас обвинить и даже обижаться не станет.

– Возможно, и не станет. Но мне будет очень неловко с ним общаться после этого, так как я перед ним виноват, как ни поверни.

– Не переживайте вы так, – утешил его Пассионарио. – Я подумаю над этим. Может, вы с ним поговорите, объяснитесь и договоритесь забыть об этом инциденте. А может, товарищ Амарго опять заберет его в свою группу, если не договоритесь.

– Следовало бы, – проворчал Амарго. – Вам разве можно людей давать?

Окончательно добитый этим заявлением, дон Аквилио поспешил удалиться, а Амарго, криво усмехнувшись, поинтересовался:

– Ну и как тебе наши воители?

– Они нам навоюют, – печально согласился товарищ Пассионарио, легко вскакивая на свой табурет. – Чего-то подобного я и ожидал. Как же, отступить – позор и бесчестье! Лучше положим все войско и погибнем как герои. Ну их к демонам. Пусть, конечно, думают, но я лучше еще к Шеллару наведуясь, посоветуюсь.

– Если тебе так хочется, можешь наведаться, но я бы не возлагал на него слишком большие надежды. Шеллар, конечно, мужик умный, талантливый, но в военном деле он полный ноль, и ничего путного он тебе не посоветует. И даже не возьмется советовать, поскольку он к тому же не хвастун и сразу честно признается, что твой вопрос – не по его части.

– Я не его имел в виду. То есть я поеду к нему, но советоваться буду не с ним.

– А с кем? Ты что, уже и с Элмаром познакомился? Так он тоже далеко не специалист, он хорошо умеет мечом махать, а командовать войсками я бы ему не доверил.

– С Элмаром я познакомился, раз уж ты спросил, но я опять же не его имел в виду.

– А кого?

– Королеву. Только не вздумай сказать прочим полководцам, если она мне вдруг что полезное посоветует. Ты же знаешь, стоит им услышать, что это сказала женщина, – из принципа сделают наоборот.

– А что, королева настолько... сведуща в военном деле?

– Шеллар говорит, что очень, и постоянно сравнивает ее с дедушкой Кендаром. Даже если она ничего не придумает, хуже не будет. Ты же не будешь возражать, если я с ней посоветуюсь?

– Да нет, – пожал плечами Амарго. – Советуйся. А что ты там сегодня говорил насчет Кантора в кругу семьи? У тебя были такие видения? И почему ты не договорил? Вернее, почему ты вообще заговорил об этом, болтун несчастный?

– Извини, я нечаянно. Потому и договаривать не стал. Незачем всем и каждому знать, что Кантор менял прическу и, возможно, поменяет еще раз. Да, я видел, очень давно, еще в те времена, когда мы только познакомились в первый раз.

– А подробнее?

– Подробнее? Да что тут можно сказать подробнее? В тот момент у меня было два коротеньких видения, всего секунды по три на каждое. Первое – он держит на коленях малыша и обнимает девочку. Причем я тогда еще не понял, что это он, ведь в то время у него было другое лицо, и я даже не подумал как-то связать виденного человека с ним. Но когда ты показал мне его после операции, я слегка обалдел. Кстати, я никогда тебя не спрашивал, но если не секрет, почему с ним такое получилось? Разве нельзя было сделать его таким же, каким он был?

– Можно было... – досадливо вздохнул Амарго. – Только одну маленькую деталь шеф не учел. И когда врачи попросили предоставить трехмерную сканограмму пациента до травмы или на крайний случай несколько качественных фотографий, фас и профиль, надлежащим образом оцифрованных, несчастный отец оказался, мягко говоря, в затруднении. Насколько я знаю, тот знаменитый портрет, что написал маэстро Ферро, был единственным более или менее пристойным изображением Кантора до того, как его изувечили, да и тот не годился. Что было делать шефу? Признаваться, что он нарушил все, что только мог, притащив на Альфу парня из закрытого мира? Выругался, подергал себя за косу, да и подсунул господам целителям надлежащим образом оцифрованные фотографии себя самого в молодости. Кантор, конечно, чуть не рехнулся повторно, увидев себя в зеркале, но потом успокоился. Но с этими детьми ты меня совершенно огорошил... Это ведь стопроцентно неизлечимо, ни здесь, ни на Альфе, шеф мне говорил... Может, это были не его дети?

– Да может, откуда мне знать... А может, это не настолько безнадежно, кто его знает, магия и не такое иногда делает, вспомнить хотя бы чудесное исцеление Элмара.

– Поживем – увидим, – снова вздохнул Амарго, окинул взглядом живописный бардак в комнате, помолчал, колеблясь, затем все же спросил: – Ты видел его девушку?

– Видел. Даже общался. А что? Тебе хочется узнать о ней побольше? В тебе вдруг проснулся заботливый наставник, желающий быть в курсе личной жизни ученика? Так спросил бы у Жака, он ее лучше знает.

– Мне интересно твое мнение как мага и как эмпата. Я все пытаюсь понять, как же это все-таки случилось, неужели действительно из-за проклятия?

– Алхимики... Все вам надо понять, объяснить, пощупать и систематизировать! У меня нет объяснений. А девчонка что надо. И последним придурком будет Кантор, если ее упустит. Не думаю, что он сможет найти другую такую.

– Какую? Именно, что в ней такого особенно ценного для Кантора?

– То, что она принимает его таким, как есть, со всеми его заскоками и причудами. То, что она никогда его не обманет, что бы ни случилось, потому что

она вообще, как мне кажется, этого не умеет. И еще – ее Огонь. Он тянется к этому Огню, сам того не понимая, возможно, из-за подсознательной потребности вернуть себе прежнего себя. И вот тут сразу приходит на ум мое второе видение.

– Я как раз хотел тебя спросить, что было во втором.

– Тоже коротенькая сцена на несколько секунд. Он стоит у зеркала, смеется, как безумный, похоже, он пьян или вроде того... и огромными портновскими ножницами обрезает себе челку, сикось-накось, как попало.

– Обрезает челку? Это как?

– Ну как, сам не понимаешь? Вот сейчас у него все лохмы одной длины, а если взять несколько прядей на лбу и подрезать короче, получится челка. Вот таким образом. И, принимая во внимание, что у него скачет искра, это второе видение вполне тянет на реально возможное. Если только не окажется бедный Кантор под тем злосчастным деревом в ущелье...

– Кстати о прическах, – напомнил Амарго, уводя разговор в сторону от ущелья. – Когда ты сам-то собираешься подстричься? Посмотри на себя, зарос, что тонкорунная овца, челка в глаза лезет. Неужели самому не мешает? Даже о таких мелочах я тебе напоминать должен?

– Можешь больше не напоминать, – улыбнулся Пассионарио. – Я больше вообще стричься не буду. А челка пусть пока мешает, потерплю. Я ее назад уберу, как только дорастет.

– Понятно, – вздохнул Амарго. – Косу решил отрастить?

– Вот еще скажи, что мне не следует этого делать.

– Да нет, отращивай на здоровье. Твоя прическа – твое личное дело. Раз ты осознаешь себя магом, будь им. А вот что касается Кантора... Не хотел бы я, чтобы он оказался в Астрайском ущелье, да и вообще в этой заварухе, как бы дела ни повернулись. В бою мне за вами двумя не углядеть, а он же парень отчаянный, обязательно в самое пекло сунется, и что я тогда шефу скажу?

– Мэтр Максимильяно, конечно, поймет, – вздохнул Пассионарио. – Но легче ему от этого не станет. А что делать? Удержать Кантора мы никак не сможем. Через пару недель он будет здоров и готов вернуться к работе. Разве что до начала войны умудрится еще во что-нибудь вляпаться, но это вряд ли. Знать бы точно, когда все начнется, можно было бы его заранее отослать с каким-нибудь поручением к демонам на рога, в Поморье или в Хину, а так...

– Я со Стеллой поговорю, – вздохнул в ответ Амарго. – Пусть наплетет ему какой-нибудь ерунды, что у него кость задета или вроде того, и наложит гипс на ногу, чтобы до самой осени смиренно хромал и ни о каких подвигах не мечтал. А ты предупреди своего наставника, чтобы не разоблачил ненароком. И особенно предупреди этого бестолкового мальчишку Мафея – он, похоже, такое же трепло, как и ты.

– Хорошо. Я всех предупрежу. Или посоветуюсь с мэтром Истраном, может, он чего поумнее посоветует. А то с костью может не получиться. Что ж, по-твоему, если Кантор несведущ в медицине, так он не поймет, может он ходить или нет? Он уже ходит, между прочим. Убеждать его в обратном может оказаться поздно.

– Посоветуйся. Хуже не будет. Может, что-то другое стоит придумать. Когда ты этим займешься?

– Прямо сейчас собираюсь поговорить с Шелларом и Кирой. Потом, возможно, покажу ей ущелье. Потом я хотел навестить Кантора, если ты не против.

– Ты собираешься тащить королеву в это ущелье?

– А что? Неужели ты думаешь, она побоится?

– О, она не побоится, я в этом не сомневаюсь. Но угадай с трех раз, что тебе на это скажет твой друг Шеллар?

– Нет, ни за что, ни в коем случае! – заявил король, выслушав просьбу давнего друга. – И не проси, и не уговаривай! И нечего мне улыбаться! Кантору пойдя поулыбайся, может, еще раз костылем огреет.

– Это совершенно безопасно, – заверил Пассионарио, умоляюще уставив на друга свои нечеловеческие глаза. – Честное слово, Шеллар, абсолютно безопасно! Мы даже не будем спускаться вниз, я просто покажу Кире местность с высоты, со скал, на которые никто не заберется.

– Действительно, Шеллар, – подала голос королева. – Вчера ты не разрешил Александру покатать меня на колеснице, даже не поинтересовавшись моим мнением на этот счет, сегодня отказываешь Орландо в пустяковой услуге под несерьезным предлогом, что это может быть опасно. Что может быть опасного? Ты начинаешь походить на перепуганную няньку, извини за сравнение. Один раз слишком сильно испугавшись за мою жизнь, ты остался испуганным до сих пор. Так нельзя. В своем стремлении уберечь меня от всего на свете ты начинаешь переходить границы разумного. Подумай сам, дорогой, что со мной может случиться?

– Я только об этом и думаю, – горестно вздохнул король. – И ты не представляешь, сколько я вижу вариантов...

– А теперь подумай трезво и прикинь вероятность, как ты делаешь это со всем остальным. И что у тебя получится? Шеллар, действительно, нельзя же так. Это уже нездоровые страхи, напоминающие мне бессмысленные иррациональные фобии твоего шута. Это у него что, заразно? Или, научившись бояться, ты дал этому новому для себя чувству полную свободу, позволив ему владеть тобой? Так это в корне неверно. Страх – не любовь и не радость, чтобы отдаваться ему всей душой. Это отрицательная эмоция, и ничего хорошего...

– Кира, не надо, – поморщился король. – Этими своими рассуждениями ты напоминаешь мне меня самого во времена юности, а я тогда был жутким занудой, и мне неприятно это вспоминать.

– Это не ответ, – не унималась королева. – Это уход от ответа.

– А я не на допросе, чтобы отвечать, – обиделся его величество. – В конце концов, я могу тебе просто запретить и не делаю этого только потому, что не хочу тебя обидеть. А ты этим пользуешься. И не надо из меня психа делать, всем свойственно переживать за своих родных и близких, и ничего патологического в этом нет.

Вот тут бы ее величеству следовало кинуться к любимому супругу, обласкать, приголубить, заверить, что у нее и в мыслях не было ничего такого, и вообще она его любит без памяти и тому подобное... Ну как обычно поступают женщины, чтобы заставить мужчин растаять и размякнуть и затем вить из них веревки. Однако королева Кира то ли не знала этого безотказного метода, то ли находила его недостойным и неподобающим для воина, но удобной возможностью уломать его величество не воспользовалась.

– Не знаю, – пожав плечами, сказала она. – Может, я преувеличиваю, может, я тоже переживаю за твой рассудок больше, чем следует, как ты сам сказал, это свойственно всем... Знаешь, по поводу наших страхов давай лучше посоветуемся с мэтром Истраном. А взглянуть на ущелье мне бы все же хотелось. А тебе разве не хотелось бы подумать над такой интересной задачей?

– Кира, – с надеждой попросил король, – а для этого тебе обязательно нужно появляться там лично? По карте ты никак не сможешь определиться?

– Знаете что, – вмешался Пассионарио, который отлично знал, какого качества карты в его штабе, и не менее отлично представлял себе, что скажут ему верные соратники, если он попробует эти шедевры картографии куда-нибудь унести, – у меня есть идея получше. Шеллар, чтобы ты не переживал так за свою отважную супругу, мы возьмем тебя с собой. Как ты на это смотришь? Между прочим, и тебе бы не мешало взглянуть на это ущелье, так как твое мнение мне тоже интересно.

– Хорошо, – сдался король. – Уговорили. Кстати, у меня в свою очередь тоже есть к тебе небольшая просьба.

– Пожалуйста, – с готовностью согласился Пассионарио. – Конечно. Что ты хотел?

– Я хотел сводить тебя в гости к одному симпатичному дракону. Не боишься?

– Нет. А зачем?

– Я хотел бы, чтобы ты его... послушал. Мне кажется, с ним что-то не в порядке. Он как-то странно себя ведет и, похоже, чем-то очень недоволен. И еще мне кажется, что Силантий сильно корректирует его высказывания при переводе. А я еще не настолько хорошо знаю речь драконов, чтобы общаться самостоятельно.

– Ты знаешь речь драконов? – потрясенно переспросил Пассионарио.

– Я ее изучаю.

– И давно?

– Уже четвертый день.

– Так разве это называется «не настолько хорошо»? Ты ее вообще не знаешь!

– Кое-что знаю, – возразил король. – Если ты помнишь, у меня хорошая память, поэтому языки я усваиваю быстро. Думаю за пару лун освоить основной курс. Но до тех пор... Словом, я бы хотел точно знать, что происходит с нашим драконом, и не через две луны, а сейчас.

– Если ты считаешь, что Силантий грешит в переводе, – подала голос королева, – почему бы тебе не пригласить другого драконоведа?

– Их и приглашать не понадобилось, – недовольно нахмурился Шеллар. – Сами сбежались, человек восемь, хотя их никто не звал и вообще прибытие дракона широко не афишировалось. Стража у входа в пещеру имела честь лицезреть, как господа маги удирали оттуда, подобрав мантии, а вслед им несли яростный рев и даже, как утверждают, летели струи огня. Помнится, Урр упоминал, что его брат – парень с характером, но я не думал, что с таким.

– А зачем там стража? – не понял Пассионарио. – Чтобы дракон не шалил? Так ведь они его не удержат, если надумает.

– Ну что ты, конечно, нет. Стража для того, чтобы дракона никто не беспокоил и чтобы не нашлось охочих выбиться в герои по дешевке. Поэтому я и распорядился поставить у пещеры охрану и повесить объявления: «Собственность короны, охраняется государством». Может, какой-то дурак ему перевел эту надпись и он обиделся, что его обозвали «собственностью»? Надо будет приказать, чтобы надписи поменяли на более... уважительные.

– Кстати, – напомнила королева, – Шеллар, а ты подумал, кто вам будет переводить? Ты собрался показать Орландо Силантию или прийти к дракону в

гости и стоять столбом?

– Силантий может тебя узнать? – тут же уточнил король. Пассионарио печально кивнул.

– Раз уж меня узнал даже Пафнутий...

– Почему «даже»? Пафнутий очень наблюдательный, и у него отличная зрительная память. К тому же ты, помнится, тискал его сестру...

– Что за выражение – «тискал»? Мы были официально помолвлены. А насчет дракона... Если никак нельзя без Силантия, возьми с собой Кантора. Он тоже эмпат, хоть и стихийный. Налей ему четверть кварты, и он тебе все что надо и что не надо услышит.

– Хорошая мысль, – согласился король. – Только Кантор ведь, бедняга, едва передвигается, куда ему в гости к драконам ходить...

– А костылями кидается как здоровый, – не удержался от комментария ушибленный вождь. – До сих пор вот такенный синяк на спине... Кстати, Шеллар, насчет Кантора. Поразмысли на досуге, что можно придумать, чтобы он... не возвращался? Хотя бы до конца лета, пока не решится что-нибудь с этим ущельем. Может, получится как-нибудь убедить его, что он еще болен, что у него осложнения или там еще чего?..

– Сомневаюсь. – Король задумчиво покачал головой. – Очень сомневаюсь, что Кантора можно обмануть на этот счет. Единственное, в чем его можно убедить, касается только душевного здоровья. Он сам искренне считает себя сумасшедшим и легко поверит, если об этом скажет ему компетентный специалист. Тем более его по голове били, и он это помнит. Однако я не берусь прогнозировать, как он в этом случае себя поведет. Возможно, я просто плохо знаю Кантора, но я очень часто ошибаюсь, пытаюсь предсказать его реакцию на слова или же события. Вполне может случиться, что он, напротив, пожелает как можно скорее вернуться к работе, чтобы от всей души выплеснуть свое безумие на врагов. Или решит, что теперь ему вообще незачем жить и надо как можно скорее геройски сложить голову в битве, пока его болезнь не дошла до той стадии, за которой следует полный распад личности. Над этим вопросом необходимо крепко подумать, чтобы не ошибиться и не наломать дров. Время у

нас есть, товарищ Кантор никуда не денется, пока не сможет по крайней мере самостоятельно передвигаться. А ты поговори еще с мэтром Истраном, старик специалист в пятой стихии и лучше меня знает собственные возможности. Может, там и делать нечего – наколдовать товарищу какой-нибудь временный паралич и уверенно его обнадежить, что все излечимо, но потребуется луны три-четыре упорных упражнений.

– Замечательная мысль! – повеселел приунывший было вождь. – Я обязательно посоветуюсь. Лишь бы Мафей не проболтался. Да и Жак тоже... Кстати, а Жак действительно носит ту хламиду, что у меня выменял?

– Разумеется. И все прочие столичные шуты кусают себе локти от зависти. А прачка Элмара прямо извелась вся, поскольку три знакомые портнихи предложили ей приличные суммы за возможность рассмотреть эту несуразную тряпицу поближе и изучить, как она сшита, а Жак стирает ее сам и прачке в руки не дает.

– Откуда такие подробности? – расхохотался Пассионарио. – Нет, правда, Шеллар, откуда ты знаешь о переживаниях несчастной прачки?

– Да ничего сверхъестественного, – пожал плечами король. – Прачка поплакалась своей подруге-горничной, а та настучала хозяину. Элмар сказал Жаку, а тот мне, чтобы я посмеялся. Вот и вся тайна. Что ж, попробую как-нибудь вытащить к дракону бедного хромого Кантора, надеюсь, он не откажется. А сейчас подожди пару минут, мы переоденемся и отправимся любоваться горными пейзажами, раз это так уж необходимо.

– Очень необходимо, – опустил глаза Пассионарио. – Я ведь тебе рассказывал... Ты ведь знаешь, в чем дело и почему...

– Знаю, конечно. – Король понимающе кивнул, поднялся с кресла и вдруг улыбнулся, озаренный некой неожиданной мыслью. – Постой-ка, Орландо, вот какая забавная идея пришла мне в голову... Ведь ты видел разгром своей армии в те же дни, когда видел смерть Киры и, наверное, мою тоже?

– И что?

– А то, что тот вариант будущего, в котором гибнешь ты и все твоё войско, был вариантом без нас. А раз так, то сама судьба велит нам с Кирой вмешаться в это дело и приложить все усилия, чтобы твоё будущее сложилось иначе. И именно это мы изо всех сил постараемся сделать.

Королева засмеялась и легонько подтолкнула его в спину:

– Пойдем. А то ты теперь ещё полчаса будешь рассуждать на эту тему. И, пожалуйста, если Александр ещё как-нибудь предложит покатать меня на колеснице, не отказывай, не спросив меня.

– А тебе хочется?

– Безумно.

– Кира, я тебя умоляю, если тебе так хочется, катайся, только с другим возниким. Александр гоняет так, что даже мне смотреть жутковато. Он уже трижды ломал себе руки-ноги на этих колесницах, один раз на моих глазах, однако так и не отучился лихачить. С ним кататься действительно опасно, это не бессмысленные страхи, а совершенно реальная угроза для жизни и здоровья.

– Все же я надеюсь, что с пассажиром, тем более с дамой, он будет осторожнее, чем обычно.

– Поговорим об этом позже, – решительно прекратил обсуждение король и скрылся в спальне.

– Пожалуйста, – развела руками Кира. – Опять он ушел от ответа. И так всегда.

Глава 4

Я говорил тебе посмотреть драконов, а не покупать их!

Р. Л. Асприн

Семейный скандал – он и в Африке семейный скандал. Особенно если причиной тому является ужасающий факт, что единственная дочь уважаемых родителей сбежала из дому вслед за мужчиной, запятнавшим себя преступлением. И что, по-вашему, скажут эти самые уважаемые родители, отыскав беглянку в укромном убежище ее пропадающего возлюбленного? Да еще в позе, не оставляющей сомнений, что она явилась сюда не под принуждением, как они втайне надеялись, а совершенно добровольно? А если строптивая дочь к тому же не желает даже слушать того, что пытаются сказать ей родители, и заявляет, что она достаточно взрослая и самостоятельная, что она имеет право на собственную жизнь и что никто не смеет ей указывать и вообще учить ее жить? А родители, разумеется, имеют на этот счет совершенно противоположное мнение...

Что из всего этого получится? Правильно, скандал. Он и получился.

– И наплевать мне, что подумают ваши драгоценные соседи! – бушевала непокорная дочь уважаемых родителей. – И что скажет тетушка Вирру – в особенности! Пусть хоть удавятся!

– Позор! – стенала матушка, закатывая глаза. – Позор и бесчестье на нашу семью!

– Бессовестная потаскуха! – прорычал папа.

– И несказанно этому рада! И оставьте нас в покое!

– Немедленно домой, бесстыжая девка, пока я не притащил тебя силком!

– Только попробуй!

– И думаешь, не попробую! Для твоего же блага!

– Догони сначала!

Папа в бессильной ярости скрежетнул зубами, понимая, что времена, когда он мог гоняться за юными девицами, для него давно миновали, и теперь ему с его брюхом нечего и надеяться догнать самую быструю из невест.

– Не смей хамить отцу! – снова взывала матушка. – Для того ли мы тебя растили, кормили, воспитывали, чтобы на старости лет дожидаться от тебя такой вот благодарности! Связаться с осужденным преступником, сбежать из дому и так разговаривать с родителями!

– Дурацкие законы, – не унималась дочь, – дурацкий суд и дурацкие обычаи! Хотите считать его преступником – ваше дело. А мне наплевать, что вы считаете! Он мой муж, я его люблю, и жить я буду с ним, что бы вы по этому поводу ни думали!

– Детские бредни! – снова завелся папа. – Любовь у нее, надо же! Умопомрачение у тебя, вот что! Хорошему магу тебя надо показать! Нормальные здоровые женщины не сбегают из дому и не считают какого-то ничтожного недостойного самца дороже родителей!

– Достойный он или нет, это не вам судить! – перебила его упрямая дочь. – И нечего обращаться со мной как с маленькой, я взрослая женщина, сама почти мать, можно сказать, и скоро тоже буду кого-то воспитывать. И вы себе как хотите, а я не желаю, чтобы мой ребенок вырос без отца!

Маме сделалось дурно; папа же, усилием воли справившись с неожиданной новостью, не отступил:

– Чем иметь такого отца, лучше уж никакого! Подумай о ребенке, ты хочешь, чтобы он рос в этой дыре, в глуши, вдали от своего народа? Не бойся, что тебе придется растить его одной, через пару сезонов ты снова вылетишь, и готов спорить, что любой из молодых женихов почтет за честь догнать тебя и назвать своей женой! Только оставь свои бредовые идеи о любви и вернись домой, тебе здесь не место!

– Чтоб ты знал, именно мне здесь и место! – окончательно озверела девица. – Мне, а не ему! Чтоб ты знал, я сама разодрала глотку этому ничтожеству Сварру! Я, а не Хрисс! Этот негодяй прекрасно знал, что я его не хочу, и все равно за мной погнался! Этот бесчестный ублюдок подрезал Хрисса на вираже и хвостом подбил ему крыло, чтобы он отстал! Ничтожеством он жил и умер, как ничтожество! Он думал, что если меня догнал, то сможет взять силой! Ха! У меня тоже есть зубы! От этого самодовольного хама только клочья полетели! Вот так все было на самом деле! И вы еще смеете мне говорить, что

благородный воин, который взял на себя ответственность за позорную смерть этого уroda, который пожертвовал собой, чтобы уберечь меня от участи изгнанницы, недостоин моей любви?

На этом этапе беседы дурно сделалось папе, и прекрасная Аррау, в последний раз победно бухнув хвостом об землю, повернулась к Хриссу, который все это время молча стоял у входа в пещеру, вжавшись в камень и низко опустив голову. И тут она обнаружила, что у безобразного скандала, оказывается, были свидетели.

Несомненно, они были не из тех людей в одинаковых одеждах, которые разбежались и попрятались при виде разгневанных родителей. Эти были без оружия, и одежда у них была другая, разная. Да и прятаться они, похоже, не собирались, хотя один из них, самый маленький, застыл с открытым ртом и не двигался до сих пор. Наверное, бедняга был здорово впечатлен тем, как три дракона ревут, рычат и бьют хвостами, только крошка каменная летит. А вот самый крупный, напротив, наблюдал за происходящим с огромным интересом и без малейшего испуга. Наверное, это и был тот самый вожак человеческой стаи, о котором так похвально отзывался вождь Урр. Третий, странный какой-то, не то старый, не то увечный, поскольку стоял, опираясь на палку, обвел ошалелым взглядом поле боя и первым заговорил. Хотя Аррау достаточно хорошо понимала язык людей, из сказанного она смогла разобрать только «мать» и названия некоторых частей тела. Наверное, стоило все-таки поговорить с людьми, объяснить, что здесь происходит, и дать понять, что для них это не представляет опасности....

Король тихонько дернул Кантора за рукав:

– Не выражайся при дамах.

– Ну ни... себе... – наконец выговорила Ольга, напрочь забыв, что она дама, при которой не следует выражаться. – Что это было?

Король пожал плечами:

– Сейчас вернется Силантий, приведет Гаррона, и мы подробно и точно разберемся, что это было. Я полагал, что нашего приятеля собираются убивать

родственники погибшего соперника, но, похоже, ошибся. Иначе все не закончилось бы так мирно.

– Да ну что вы, – поморщился Кантор. – Это, – он кивнул на ярко-лазурного дракона, который сидел на хвосте и шевелил передними лапами, – самка. Насколько я понял, его подруга.

– Ты что-то почувствовал? – заинтересовался король. – Или просто женщин ты чувствуешь другим местом, даже если речь идет о драконах?

– Примерно, – ядовито отозвался Кантор. – Только не тем местом, о котором вы подумали.

– А насчет Хрисса ты можешь что-то сказать? Ты что-нибудь чувствуешь или твои способности не работают по заказу?

– Знаете, это трудно было бы не почувствовать.

– И что?

– Если коротко и без подробностей – беднягу достало все на свете до такой степени, что ему уже и жизнь не мила. Тошно ему, противно и видеть никого не хочется.

– А что ему хочется в таком случае?

– Чтобы его оставили в покое и не трогали. А тут лезут постоянно с визитами, то вы, то ваши маги, то эти родственнички со своими претензиями... Может, хоть подруга его утешит и поможет прийти в себя. Между прочим, что она делает?

– Насколько я понимаю, собирается с нами пообщаться. Приятно, что нас наконец заметили и снизошли до объяснений. Интересно ведь узнать, что здесь все-таки произошло и почему собеседники этой дамы до сих пор сидят, откинув хвосты, и мотают головами, как пьяные лошади... Постойте здесь, я подойду поближе.

– Может, не надо? – с опаской сказала Ольга.

– Ну вот еще! – одновременно с ней заявил Кантор. – Я тоже хочу подойти!

Лазурная подруга Хрисса совладала наконец с фантомом, который получился слегка похожим на Ольгу, но ужасно лохматым и непомерно длинноногим. Эта неустойчивая конструкция сделала несколько шатких шагов и гулким простуженным голосом произнесла:

– Люди не бояться, все хорошо. Извините.

– Мы не испугались, – вежливо заверил ее король. – Хотя зрелище было впечатляющим. Не могли бы вы вкратце...

– Ну не... твою мать! – воскликнул у него за спиной Кантор. – Еще два дракона летят! Сюда что, вся стая решила собраться?

– Все под контролем, – заверил его мэтр Силантий, появляясь из телепорта. – Это Урр и Гаррон, сейчас они наведут порядок и прекратят это безобразие.

– А как они так быстро? – поинтересовалась Ольга. – Они тоже телепортом?

– Вроде того, – охотно пояснил маг. – Драконы умеют «пронзать пространство», как они это называют, но не так, как мы, а в состоянии полета. Там, в небе, есть какие-то только для них видимые точки, которые сообщаются между собой, как бы постоянные телепорты. Сквозь них они могут перемещаться в пространстве.

– ...объяснить, что здесь происходит? – продолжал между тем король. – Мы можем вам чем-то помочь?

– Помочь не нужно, – заверила его лазурная Аррау. – Объяснить пусть будет мудрейший. Он хорошо говорить речь людей. Я говорить плохо.

Она отошла в сторону, где все так же, прижавшись к стене, стоял ее безутешный кавалер, и тихо зафыркала, нежно касаясь мордой его гребня.

Между тем два дракона приземлились перед пещерой, с некоторым трудом втиснувшись на эту «посадочную площадку», которая была тесновата даже для

четырех драконов, уже находившихся там. И все началось сначала – рев, фыркание, удары хвостов, ветер от крыльев и прочие стихийные бедствия, которые у драконов считаются «беседой».

– Пожалуй, у нас есть время перекурить, – сделал вывод король, присаживаясь на камень и доставая трубку. – Садись, Кантор, отдохни, ты едва на ногах стоишь. А мэтр Силантий нам вкратце объяснит, о чем идет речь.

– О, ситуация получилась крайне неловкая, – начал Силантий, присаживаясь рядом. – Дело в том, что прекрасная Аррау решила разделить участь своего избранника и воссоединиться с ним, оставив стаю. Эти двое – ее родители, которые были против решения дочери и прилетели сюда в надежде вернуть ее домой, уговорами или силой, если понадобится, но, я вижу, это у них не получилось.

– Тогда понятно, из-за чего скандал, – улыбнулся король. – А о чем идет речь сейчас?

– Примерно о том же. Урр пытается объяснить девушке, что она не имела права здесь поселиться самовольно, не согласовав это с ним и в особенности не спросив позволения у вас. То же говорит и мудрейший Гаррон, который к тому же ее наставник и полагает, что с ним этот вопрос тоже следовало обсудить.

– А она, разумеется, стоит на своем, – определил Кантор, доставая сигару и безуспешно пытаясь зажечь спичку на ветру, поднятом тремя парами крыльев. – И чхать она хотела на всякие разрешения, обсуждения и согласования, потому как она любит без памяти этого конкретного парня, а все остальное ей по фигу.

– Примерно так, – согласился переводчик. – Она довольно дерзко заявляет, что ее не волнуют ни соображения политики и этикета, ни разрешение людей, ни мнение сородичей, что она твердо намерена остаться с Хриссом и отложить яйцо именно здесь, в этой самой пещере. Надо же, я и не знал, что они уже ждут малыша... На это ей опять объясняют, что она не у себя дома, а на чужой территории, где хозяева – люди, и она не вправе распоряжаться здесь, как в собственной пещере. Что она ставит вождя в очень неприятное положение, нарушая его договор с вами и выставляя его обманщиком в ваших глазах.

– Со стороны и не подумаешь, что беседа идет в столь вежливом тоне, – заметил король, оставляя бесполезные попытки прикурить.

– Я не сказал бы, что в очень вежливом, – согласился Силантий. – Поскольку девушка дерзит старшим, совершенно забыв об уважении к наставнику. Как раз об этом напоминает ей мудрейший Гаррон, пытаюсь снизить напряжение и перевести разговор в более спокойный тон. Он предлагает не ссориться и не пугать людей, а попытаться найти приемлемое решение проблемы. Например, если Аррау желает остаться здесь и проживать на вашей земле, пусть обратится к вам с соответствующей просьбой. Сама, поскольку Урр не считает себя вправе просить вас об одолжениях так часто.

– А она, как я понимаю, – снова влез в разговор Кантор, выбрасывая сломанную спичку, – слишком горда, чтобы просить.

– Ну и дура, – сделала вывод Ольга. – Его величество разрешил бы.

– А куда бы я делся, – вздохнул король, наблюдая за продолжением драконьей перебранки. – Конечно, у меня не хватит жестокости разлучить влюбленных, даже если речь идет о драконах. Мэтр Силантий, не могли бы вы попросить господ прекратить свой спор и разойтись... разлететься по домам? Скажите, что девушка может переночевать здесь, а завтра мы с ней как-нибудь сами разберемся. Поговорим по душам и что-то решим. Они не обидятся, если сказать так?

– Нет, – качнул головой Силантий. – Они считают, что на своей территории вы вправе распоряжаться, и не обидятся. Сейчас я поговорю с ними...

– Смельчак, – отметил Кантор, наблюдая, как почтенный маг влезает между ревущими ящерами. – Я бы так не рискнул. Еще оступятся ненароком...

– Профессиональная сноровка, – отметил король. – И привычка, разумеется. Я бы тоже не смог, я от природы неуклюж, а вот у тебя бы получилось, если бы ты попробовал.

– Может быть, но у меня нет никакого желания пробовать. Общаться с такими большими созданиями лучше на расстоянии, чтобы видеть их целиком, а не только лапы.

– Это ты так можешь рассуждать, у тебя голос громкий, а если Силантий будет общаться на расстоянии, его просто не услышат. Кстати об общении. Ты не хотел бы познакомиться с Хриссом поближе и неформально, так сказать, с ним поговорить?

– Вас по-прежнему волнует его душевное состояние и вы хотите, чтобы я его как-то утешил? Да не выйдет из этого ничего хорошего. Я сам терпеть не могу, когда ко мне без спросу лезут с утешениями, и навязывать кому-то свои сочувствия не хочу. Тем более в наших сочувствиях и утешениях он не нуждается и лишние непрошенные гости его только сильнее расстроят и разозлят.

– Я не имею в виду утешения и сочувствия. Просто поговорите по-мужски, два воина всегда найдут общий язык...

– Не всегда. Если это, как в данном конкретном случае, два вздорных раздражительных воина в плохом настроении, то единственным результатом может быть драка.

– Вы лучше Элмара попросите, – посоветовала Ольга. – У него очень хорошо получается приводить в чувство всяких расстроенных, депрессивных и прочих нервно-психованных.

– Доступно, наглядно и тактично... – кивнул Кантор. – Без утешений и прочих соплей, но очень убедительно.

– Нет, уж кого-кого, а Элмара я сюда не пущу, – возразил король. – Не приведи боги, окажется, что у них были общие знакомые... Вот тогда уж точно случится драка, и угадайте, чем она закончится. Нет, нечего здесь делать Элмару. Я люблю своего кузена и не хочу его потерять, поэтому просить его, как ты советуешь, не буду. Более того, запрещу ему сюда соваться, даже если он сам пожелает. Лучше подождем немного, надеюсь, обойдется и так. Как я заметил, любимые женщины благотворно действуют даже на самых вздорных воинов.

– А еще меня язвой обзывали, – ухмыльнулся Кантор и как бы в знак согласия крепко обнял здоровой рукой любимую женщину. Та потерлась щекой о его плечо и заметила:

– А не отойти ли нам чуть подальше, господа, а то тут, кажется, начинается массовый взлет, и, если мы не прижмемся к стенке, нас сдует на фиг.

– А вот Элмара бы не сдуло, – как бы между прочим сообщил Кантор, намеренно не глядя на короля, а уставившись на драконов, которые действительно готовились взлететь.

– Скажешь тоже! Еще как сдуло бы. Драконам все равно, большой человек или маленький, мы все для них мелюзга, которая путается под ногами. Только одни оглядываются, как бы на нас не наступить ненароком, а другие норовят прихлопнуть, пока не уползли, – вся разница. Кстати, подобная разница существует и между людьми, так что мы действительно не настолько отличаемся.

– Это ты насчет кого? – поинтересовался Кантор, оглядываясь по сторонам. В столь знаменательном месте он был впервые, и, хотя неоднократно слагал баллады о героях, видеть своими глазами их, так сказать, рабочее место, ему не доводилось. А тот факт, что даже Ольга здесь бывала, а он – ни разу, задевал мужское самолюбие мистралийца. Поэтому когда Элмар предложил сопровождать его, Кантор согласился сразу, даже не подумав, осилит ли пешую прогулку по пещере. Оказалось, свои силы он переоценил, но проситься домой было уже поздно. Поэтому потрепанный кабальеро из последних сил ковылял за его высочеством, стараясь не отстать и не подать виду, как тяжело ему дается каждый четный шаг. А пещера, казалось, не имела конца, и было не совсем понятно, как сюда проползают хозяева.

– А насчет всего, – продолжил свои рассуждения Элмар, тоже обводя печальным взором тусклые каменные стены. – Растоптать слабого, обмануть доверчивого, обобрать бедного, нахамить скромному... И, как говорит Ольга, забравшись наверх – непременно плюнуть вниз. Тебе это никого не напоминает?

– Да массу людей. А ты имел в виду кого-то конкретного или тебя просто на философию пробило?

– Я о людях вообще, – вздохнул Элмар. – Как ты верно заметил, упомянутыми недостатками страдает масса людей. Несовершенный мы вид, должен сказать. В Ольгином мире вообще есть научная гипотеза, что мы произошли от обезьян.

Она тебе не говорила?

– Да нет, философских дискуссий о людской природе мы с ней как-то не вели... Это ты любишь порассуждать на эту тему. Особенно когда выпьешь. Ну за каким тебе понадобилось пить перед тем, как сюда идти? Вот уж драконы обрадуются пьяным гостям! Факел, факел держи ровно, зараза, капает же!

Элмар молча остановился и тоже огляделся по сторонам, подняв над головой факел.

– Отдохнем? – тут же с надеждой спросил Кантор и, не дожидаясь ответа, присел на ближайший камень, который показался ему более или менее ровным. – Никогда не думал, что пещера такая огромная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pankeeva_oksana/shepot-temnogo-proshlogo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)